

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

РИНАТ ТАШТАБАНОВ

ВОСКРЕШАЮЩАЯ
МЕРТВЫХ

FUTURE CORP.

18+

Метро

Ринат Таштабанов

Метро 2035: Воскрешая мертвых

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Таштабанов Р.

Метро 2035: Воскрешая мертвых / Р. Таштабанов — «АСТ»,
2018 — (Метро)

ISBN 978-5-17-109044-9

Его зовут Сергей. Когда-то он был снайпером и одним из лучших чистильщиков Убежища находящегося в Подольске. Но его предали и распяли. В тот страшный день Сергей должен был погибнуть, но его спасли. Потеряв всё, он обрёл новый дом. Он хотел бы забыть прошлое, но оно идёт за ним по пятам. Смерть дышит в затылок, а мертвые каждую ночь вызывают к отмщению. Единственный шанс все исправить – уничтожить всех, кто приколачивал его к кресту. Только так Сергей обретет спокойствие в душе. Но выживет ли он в грядущей бойне?.. Книга содержит нецензурную брань

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109044-9

© Таштабанов Р., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Пролог	6
Часть первая	10
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	28
Часть вторая	37
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	54
Глава 7	63
Глава 8	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ринат Таштабанов
Метро 2035
Воскрешая мертвых

Серия «Вселенная метро 2035»

Автор идеи – Дмитрий Глуховский
Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

Оформление серии – Павел Бондаренко
Фотограф – Сергей Споялов

© Глуховский Д. А., 2018
© Таштабанов Р. Р., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

*Тень и Тьма, навеки вместе,
Не зови их в смертный час,
Человек, чей час отмерен,
Кем-то свыше, в небесах.
Лишь немногие под солнцем,
В силах путь свой начертать,
Выбрав боль и пытки тела,
Чтобы мы могли дышать...*

Пролог

2033 год. Окраины Подольска. Зима. Раннее утро

Черный ворон, сидя на верхушке иссохшего, точно воздевшего в мольбе к хмурым небесам руки-ветки дерева, замечает, что по замёрзшему руслу реки Пахры движется до зубов вооруженный отряд.

Птица, стараясь не сорваться с ветви, из-за порывов сильного ветра, поворачивает голову, провожая черными глазами-бусинами десять человек в ОЗК и накинутах поверх защитных костюмов белых маскхалатах. На рукаве каждого, нашивка – сжатый кулак на черном фоне – знак чистильщиков – лучших бойцов Убежища при Подольской городской клинической больнице.

Из переговорных мембран тупых противогазных харь доносится хриплое, надсадное дыхание. Круглые линзы «хомяков» и «Нерехт» напоминают пустые провалы глазниц выбеленных от времени черепов, и из-за этого кажется, что по руслу реки идут внезапно ожившие мертвецы. За спину бойцов закинута снегоступы. Руки в перчатках сжимают оружие – «семьдесят четверки», пару РПК и тупорылые «укороты».

Чистильщики идут быстро, часто переходя на бег, вгрызаясь шипами «ледоходов» – зубастых металлических пластин, примотанных ремнями к бахилам ОЗК, в лёд. В голове каждого бойца свербят мысли: «Быстрее! Еще быстрее! Мы должны успеть догнать эту тварь!»

Ненависть, сдобренная изрядной порцией страха, из-за случившегося минувшей ночью события, когда кто-то неведомый в одиночку вырезал трех бойцов на фишке, прошел через все охранные посты, снял с креста распятого накануне снайпера и забрал его с собой, придаёт чистильщикам сил. Становится топливом, питающим надорванные мышцы и измотанные тела, заставляя преследовать беглецов за гранью человеческих сил.

«Вот только бы каннибалы не объявились, – думают бойцы. – Только их до кучи не хватает!»

Чистильщики озираются по сторонам, стараясь хоть что-то рассмотреть сквозь снег. Они явно не поспевают за своим командиром – рослым широкоплечим бойцом с «Грозой» в руках, идущим впереди группы как хорошо смазанный механизм.

Ледяной ветер, пронзительно завывая, точно насмехаясь над людьми, швыряет комья снега в лица. Валил с ног, заставляя чистильщиков пригибаться и очищать линзы противогазов от налипшего крошева. То и дело слышится сдавленный хрип и мат.

– Быстрее там! Чё вы как дохлые? Жопами шевелите! – повернув голову, бросает на ходу командир. – Эта тварь не могла утащить Тень далеко! Следы от волокуши еще не замело. Если мы поторопимся, то догоним их!

Преследователи ускоряются. Обходят нагромождения ледяных глыб. Внезапно сутулый боец, замыкающий отряд, охает, провалившись ногой в трещину во льду, которую он не заметил под тонким слоем снега.

– Твою-то мать! – шипит чистильщик. Опираясь на РПК, он выдёргивает ногу и пытается сделать шаг. – Бля... – корчась от боли, боец падает на спину, – чтоб тебя!..

Чистильщики останавливаются, берут оружие на изготовку и занимают круговую оборону.

– Митяй! – кричит один из бойцов.

Командир поворачивается, замечает чистильщика, обхватившего ногу руками, глухо матерится и быстрым шагом подходит к группе.

– Вставай, сука! – приказывает Митяй лежащему на снегу человеку.

Чистильщик хрипит:

– Не могу! Нога огнем горит! Наверное, вывихнул или сломал!

– Я сказал, вставай, тварь! – орет Митяй, со всей дури пиная бойца под рёбра. Тот охает, хватается рукой за бок. – Тормоз долбаный! – ярится Митяй. – Нюни как баба распустил! Если из-за тебя мы упустим Тень, – Митяй наставляет «Грозу» на бойца, – я тебя лично урою! Ты понял меня, Горб! Или ты думаешь, мы тебя на себе потащим?!

Боец часто кивает:

– Я дойду, только помогите подняться!

Уловив взгляд Митяя, два бойца бросаются вперёд и, подхватив Горба под мышки, ставят его на ноги. Чистильщик делает шаг, но снова шипит от боли.

Митяй замахивается, но, видимо передумав, рывкает:

– Молчун, Жердь! Остаётесь с этим мудаком! Чините ему ногу, меня не волнует, как вы это сделаете! Шину наложите, промедолом заколите, но чтобы через десять минут он был в строю. Потом догоняете нас. Если он не сможет идти, – Митяй пристально смотрит в расширенные глаза чистильщика, – то приказываю его бросить, нет времени с ним возиться!

Митяй вплотную подходит к Горбу. Смотрит на него испепеляющим взглядом.

– Вечно с тобой какая-то хрень случается! – Митяй хватает бойца за ляжку разгрузки, рывком разворачивает его на сто восемьдесят градусов, вытягивает руку, тыча в серо-белую хмарь. – Там наша цель! А ты козёл, только пор...

Митяй не успевает договорить. Сквозь ветер доносится пронзительный свист, затем раздаётся глухой удар и из груди Горба, пробив бронжилет, показывается окровавленный оголовок толстого арбалетного болта.

Бойцы, не дожидаясь команды, вместе с Митяем, который прикрывается телом чистильщика, валяясь в снег, открывают беспорядочный огонь из автоматов и пулеметов. Сочно лязгают затворы. В снег падают дымящиеся гильзы.

– Прекратить пальбу! – орет Митяй. – Во что шмалаете, черти?! Я ни хрена не вижу!

Чистильщики прекращают огонь, озираются по сторонам, пытаются хоть что-то разглядеть сквозь слепящий снег.

– Митяй, что это было? Что за муйня? – шепотом спрашивает Жердь. – Откуда стреляли?

– Черт его знает! – злится Митяй. – Прилетело по ходу движения! У потрошителей такого оружия нет, значит, стрелял тот, кто снял Тень с креста.

Раздаются несколько тихих голосов:

– Командир, а дальше чего делать-то будем? Ни хрена не видно, а тепловизора нет.

– Бдим! Смотрим на триста шестьдесят. Головы не поднимаем! – цедит Митяй. – Жердь, – приказывает чистильщик, глядя на его АКС-74У, – «огрызок» в сторону, бери пулемёт Горба и прикрываешь меня. Живо!

Боец кивает, откладывает автомат, хватается РПК, ставит его на сошки и, приставив приклад к плечу, берет на прицел русло реки. Остальные чистильщики лежат, прислушиваясь к звукам разыгравшейся бури. Митяй перекачивается. Сделав два оборота, он разворачивает тело Горба поперёк и прячется за ним. Поёрзав, Митяй приминает под собой снег и, просунув ствол «Грозы» под руку трупа, чуть приподнимает её, глядя в образовавшуюся щель как в амбразуру.

«Что это за хрень? Не видно ни зги! – думает Митяй, чувствуя, как кто-то невидимый зло смотрит на него из снежной хмари. – По ходу, теперь мы не охотники, а дичь. Полная жопа!»

Митяй до рези в глазах всматривается вперед, надеясь, хоть что-то рассмотреть сквозь завитки снежных вихрей. На мгновение ему кажется, что где-то впереди промелькнула серая тень – размытое пятно, передвигающееся огромными скачками. Ствол «Грозы» смещается правее, упираясь в пологий скат берега.

– Цель справа! – шипит Митяй. – Жердь, готовься! Цепь и Сорок Седьмой прикрываете его! Молчун, правый фланг пасёшь, остальные левый и тыл. Ждем! Там на берегу что-то есть!

Проходит тридцать секунд. Минута. Вторая. Третья. Ничего не происходит, только ветер свистит, царапая ледяными когтями маскхалаты. Каждый из бойцов думает: «Что же это за тварь такая, которая не боится нас – чистильщиков, и готова в одиночку противостоять целому отряду? Или... она там не одна?..»

Неизвестность хуже смерти. Даже опытному бойцу невыносимо лежать и ждать, думая о том, что нечто странное, невидимое и опасное, притаилось там – впереди. Нервы чистильщиков натянуты как струна. Глухо стучат девять сердец. Тук. Тук. Тук...

Неожиданно встрепенулся Молчун.

– Опа, – шепчет чистильщик, заметив сгорбленный силуэт, вроде как скользнувший за деревьями метрах в тридцати от него, – это что еще за хрень?

Боец прицеливается, пытаясь унять дрожь в окоченевших руках.

– Видно чего? – шепотом спрашивает Молчуна Цепь – боец, получивший свое погоняло за то, что вместо ремня любит подпоясываться куском тонкой цепи.

Молчун мотает головой.

– Неа, – бурчит чистильщик, – показалось, наверное. Ветер, вона как метёт.

Молчун чуть приподнимает голову, выглядывая из-за куска льда. Секунда, слышится щелчок, свист, и в глазницу человека, пробив череп насквозь, вонзается арбалетная стрела. Молчун, обмякнув, утыкается противогазной харей в снег, который быстро окрашивается алым.

– Сдохни, тварь! – орет Цепь, открывая огонь по береговой линии. К нему присоединяются остальные чистильщики, щедро поливая свинцом стволы деревьев и одинокие кусты. Пули, впиваясь в берег, выбивают фонтанчики снега. Только Митяй, не обращая внимания на пальбу, глухо сопя, внимательно наблюдает за обстановкой, лихорадочно соображая, сколько врагов их окружило.

– Там! Оно там, позади нас! – истошно орет один из бойцов, указывая рукой на русло реки. – Я видел его!

– Я отстрелялся! – кричит Жердь.

– Жердь! Держишь тыл! – приказывает Митяй. – Сорок Седьмой с ним! Остальные, фланги!

Боец берёт пулемёт, отползает назад. Мозг выстреливает команды: «Быстрее! Еще быстрее!».

Щелчок. Смена магазина на новый. Замёрзшие пальцы не слушаются. Лязгает затвор. Жердь водит стволом РПК из стороны в сторону, выискивая цель.

«Давай, выходи, тварь, – думает чистильщик, не осознавая, что за ним внимательно наблюдают, – мне есть чем угостить тебя!»

Ствол пулемета, как живое существо, шарит черным зрачком в пространстве.

Неожиданно слева раздаётся свист и в бок бойца вонзается толстый, сделанный из арматуры болт. Жердь дёргается, хрипит, сгибается, и инстинктивно давит на спусковой крючок РПК, вбивая пули в лежащего рядом Сорок Седьмого.

На секунду над рекой повисает пронзительный человеческий крик, но его забивает грохот пулемета. Пули рвут тело уже мертвого бойца, выбивая кровавые фонтанчики из спины, пока подползший Митяй, выстрелив в голову Жерди, не прекращает его агонию.

– Сколько их?! Что это за твари?! – кричат чистильщики, паля во все стороны.

– Надо отходить!

– Нас всех здесь положат!

– Харэ глотки драть! – отсекает бойцов Митяй. – Лежать всем! Круговая оборона!

Бойцы подчиняются, меняют пустые магазины, щелкают затворами. Ждут. Молятся. Надеются. Верят...

Ветер усиливается. Не даёт поднять головы, рвёт маскхалаты, замечает чистильщиков снегом. К Митяю подползает Цепь.

– Командир, чего мы дальше делать-то будем? Нас как в тире кладут!

Митяй молчит, пытаясь взвесить на одной чаше весов приказ Колесникова – любой ценой догнать Тень, ненависть к снайперу, которого он собственноручно распыл, а на другой – желание жить. Чувство самосохранения перевешивает.

Митяй громко, так чтобы его смог услышать спаситель (или спасители?) Тени, орет:

– Мы отходим и возвращаемся в Убежище!

Чистильщики поворачивают головы. Митяй видит удивленные глаза Цепи.

– А чего мы Бате скажем?! – повышает голос боец. – Он же нас за неисполнение приказа на лоскуты порежет!

Митяй смотрит на окоченевшие трупы товарищей, почерневший от крови снег и точно харкает:

– Правду, как ни странно, она нас спасет. Тела заберём с собой!

– Как?! – горячится Цепь. – Мы высунемся и сдохнем!

Митяй сопит, затем, чувствуя на себе чей-то пристальный взгляд, кричит:

– Слышь! Кто бы ты ни был, мы уходим! Мы не будем вас преследовать! Только позволь нам забрать тела, чтобы похоронить по-человечески!

Митяй опускает оружие. На секунду задумавшись, боец медленно, явно пересиливая себя, поднимается. Не обращая внимания на предупреждающие возгласы, чистильщик вглядывается в серую хмарь, словно пытаясь увидеть в ней арбалетчика.

Митяй не подозревает, что стрелок, стоя метрах в сорока от него и обладая способностью видеть тепловое излучение живых существ, держит его на прицеле, целясь в голову из огромного, неподъемного для обычного человека арбалета.

Сердце Митяя глухо стучит в груди, взламывает ребра, а внутренний голос тем временем вопит: «Ложись, идиот! Спрячься, если хочешь жить! Ты сдохнешь!»

Митяй матерится на себя, затыкая рот трусливой сущности, и чувствует, как страх уступает место азарту. Каратель вслушивается в шум ветра, стараясь уловить хоть один подозрительный звук. Палец пляшет на спусковом крючке.

«Ну, тварь! – думает Митяй. – Покажи себя! Что же ты такое?!»

Чистильщику хочется вскинуть «Грозу» и шмальнуть из подствольника осколочным «подкидывшем». Ветер бьёт в спину человека, пригибает к насту. Ярость уступает место холодному расчету. Митяй кричит:

– Я знаю, что ты смотришь на меня! Мы договорились, или как?

Если бы Митяй обладал таким же острым слухом, как мутант, то он мог бы услышать, что стрелок, опустив арбалет, едва слышно произносит:

– Повезло тебе сегодня, тварь человеческая! Живи пока. Ты еще встретишься с Тенью.

Мутант, накинув на голову капюшон накидки, ведет окровавленной пятерней по котомке, переброшенной через плечо, из которой раздаётся тихое ворчание.

– Ведь так, Лад? – спрашивает стрелок у сидящего в ней существа.

Из котомки доносится сопение и сдавленный вздох, перемежающийся невнятным бормотанием.

– Согласен, так и сделаем, – мутант, не сводя взгляда с озирающегося по сторонам Митяя, пятится, затем резко, огромным скачком отпрыгивает в сторону и точно растворяется в снежном вихре...

Часть первая

Помни

Глава 1

Хлыщ

Подольск. Убежище. За несколько часов до погони

– Игорь Владимирович! – дверь в бокс начальника Убежища распахивается и в помещение, отшвырнув отчаянно жестикулирующего глухонемого парня – прислужку Колесникова, врывается начальник СБ. – Да отстань ты, урод! – орет Арсеньев, захлопывая дверь перед носом Игоря. – Не до тебя сейчас! Игорь Владимирович! – продолжает эсбешник, пытаясь дрожащими руками закрыть засов, – Тень пропал! – Дмитрий, наконец, щелкает задвижкой, поворачивает голову, смотрит на Колесникова и выпаливает: – Кто-то снял его с креста!

Батя, опершись на пудовый кулак, с трудом приподнимается с кушетки. Проведя рукой по лысой голове, Колесников усиленно растирает пальцами заспанные глаза.

– Чего? – выдавливают Батя.

– Да Тень, мать его, исчез! – горячится Арсеньев. – Еще троих на фишке кто-то грохнул. Хлыщ чего-то видел и...

– Давай по порядку! – рывкает Колесников, обрывая эсбешника. – Садись, не маячь и рассказывай, что с Тенью? Кто погиб?

– Да, я и говорю, – тараторит Дмитрий, опускаясь на табурет. – Тень кто-то снял с креста, убил Витьку, Хвата и Дыма. Хлыщ только выжил, и то непонятно как, мутно всё.

Колесников хмурится, на скулах играют желваки. Чувствуется, что Батя хочет выматериться, но он лишь тихо спрашивает:

– Так что, Тень выжил, после того как мы его распяли, и его кто-то спас? Кто об этом знает?

Эсбешник теряет язык.

– Да... в общем, никто, – тянет Дмитрий, – я, Митяй, несколько чистильщиков, еще пара бойцов, которые на герме стоят, могли чего-то услышать. Я сразу к тебе побежал.

– Смотри, чтобы они держали язык за зубами, – цедит Колесников, поднимаясь с кушетки, – а то я им лично языки поотрываю, а с тебя спрошу! Нам только разговоров всяких не хватало! Того и гляди, святоша наш, малахольный этот, Тень в мученики, как Христа, запишет. Кто его спас?

Эсбешник силится открыть рот. В этот момент из-за двери доносится шум возни, слышатся громкие голоса. Раздается стук. Дмитрий, уловив взгляд Колесникова, срывается со стула и отпирает засов. Дверь распахивается и на пороге застывает дюжий боец, держащий впереди себя мужчину лет пятидесяти, с накинутой на шею удавкой и лицом, залитым кровью.

– А, Митяй! Заходи! – Колесников машет рукой. – И падлу эту заводи!

Митяй вталкивает Хлыща в бокс. Снимает с его шеи удавку и, коротко размахнувшись, резко бьет разведчика кулаком в правый бок.

Хлыщ охает и валится на пол.

– Вставай, тварь! – орет Митяй, пиная стонущего бойца в живот. – Нечего здесь разлёживаться!

– Оставь его! – приказывает Колесников. – А то говорить не сможет. Башку ты ему разфигачил?

– Нет, – мотает головой Митяй, закрывая дверь в бокс, – таким на «фишке» нашли. Дежурный услышал снаружи выстрел, сообщил, а мы решили проверить, что да как. Вышли, Тени на кресте нет, только огромные следы рядом, точно топтался кто-то. Двинули на точку, там ребята, как раз за больничной площадью должны были следить, а там три трупа – Дыму и Хвату горло от уха до уха перерезали, Витьку в глаз выстрелили, а Хлыщ с разбитой головой

валяется, вроде как без сознания. Мы его растолкали, а он туфту нам какую-то вгоняет, про мутанта огромного, который всех убил.

– Мутанта? – удивляется Колесников. – Что ещё за мутант?

– Да хрен его знает! – выпаливает Митяй. – Я вот что думаю, пока мы тут разговариваем, Тень кто-то по поверхности тащит. Время работает против нас. Вы пока Хлыща допросите, а я ребят подниму и в погоню двину, а то... – уловив грозный взгляд Бати, чистильщик затыкается на полуслове.

– Торопишься куда? – спрашивает Колесников. – Или может быть, мозги застудил?! – Батя повышает голос. – Чего жопу рвать, в бурю идти, без плана, без подробностей! А если там отряд каннибалов ошивается?! Или, ещё какая хрень? Чего делать будете, а? Сколько бойцов надо, оружие какое брать? На рожон лезть, нахрапом, как ты любишь, в силах тяжких? Эээ... нет, сначала прощупать надо, продумать всё, а потом по уму действовать! Забыл, чему я тебя учил? Тень пропал, а ребят кто-то убил – это факт, а кто это сделал, мы не знаем! Отсюда и плясать будем. А Тень никуда не денется. Поймём, кто его спас, будем знать, как действовать.

– Так я и говорю, – вворачивает Митяй, – мутант-то один, что, мы с ним не справимся?

– Пусть Хлыщ сам расскажет, что было! – рявкает Колесников. – А я послушаю.

Митяй резко поднимает валяющегося на полу Хлыща, швыряет его на стул, стоящий в углу. Разведчик утирает кровь с лица, зло смотрит по сторонам, переводя взгляд с Бати на эсбешника, затем снова на Митяя.

– Чего зыришь как сыч? – Колесников, уперев кулак в столешницу, хмурится. – Говори, давай!

– А чего рассказывать? – Хлыщ исподлобья смотрит на Батю. – Митяй уже всё изложил.

– Правду! – рявкает Колесников. – Что было, чего не было. Ты же в друзьях у Тени числился. С чего нам тебе на слово верить? А чтобы ты вспоминал быстрее, запомни, – Батя сверлит глазами разведчика, – от того, поверю я тебе или нет, зависит, доживешь ли ты до утра. Усёк?

Хлыщ кивает.

– Да понял я, – разведчик растирает шею с багровым следом от удувки, понимая, что ему придется пройти по лезвию бритвы. – Мы с Витьком на Краснухе, на точке моей сидели, с дальняков шли, нас буря накрыла, – быстро начинает Хлыщ, – вот мы и решили её переждать, прежде чем домой возвращаться.

Разведчик, ловя на себе внимательные взгляды, продолжает:

– Пока сидели, Витька увидел в окно чего-то или кого-то, пальнул из автомата, целую очередь выпустил, а в ответ арбалетный болт прилетел. Прямо в раму засандалило.

– Стрела? – удивляется Митяй. – Вы чё, грибов там с Витьком на пару пережрали?! Может быть, ещё и эльфов с гномами видели?

Хлыщ сжимает кулаки, поворачивает голову, смотрит на Митяя.

– Если ты такой умный, то сходи сам и проверь, – цедит разведчик, – болт до сих пор там валяется и гильзами всё засыпано.

– Ах ты, сука! – Митяй подрывается с места и замахивается.

– Остынь! – останавливает его Колесников. – Не время сейчас морды курочить! Успеешь ещё!

Митяй нехотя подчиняется. Возвращается на место, едва слышно бросая на ходу:

– Я с тобой опосля потолкую, а то, смотрю, ты слишком борзый стал.

Хлыщ пропускает слова чистильщика мимо ушей, открывает рот, но его опережает эсбешник.

– Стрела говоришь, там, на точке осталась? – вкрадчиво спрашивает Дмитрий.

Хлыщ, хорошо зная повадки эсбешника и понимая, что его будут ловить на деталях, кивает.

– Да, там, я её из рамы выдернул и на пол бросил.

– А что за стрела, опиши её, – продолжает Дмитрий, поймав одобряющий взгляд Колесникова.

– Огромная такая, – не моргая отвечает Хлыщ, – тяжелая очень, сделана из толстого арматурного прута. Даже не представляю, каких размеров должен быть арбалет, чтобы выстрелить такой хренью, а тем более стрелок, явно – не человек.

Видя, что его внимательно слушают, разведчик продолжает:

– Мы с Витьком, как отстрелялись, на улицу из дома выбежали, а твари и след простыл, только следы огромные, словно кто-то длинными скачками передвигался. Мы по направлению поняли, что тварь рванула по проспекту Ленина к Убежищу. Двинули вслед за ней, чтобы ребят на фишке предупредить. Только в квартиру зашли, как что-то огромное дверь снесло и ворвалось вслед за нами. Ребята и пикнуть не успели. Меня сразу долбанули по голове и с силой швырнули об стену, толком не разглядел, кто это был. Хрень какая-то, похоже на человека, только гораздо больше. А что было дальше, я не знаю, очнулся, когда Митяй с бойцами на фишку зашел, а рядом три трупа. Дальше вы знаете.

Хлыщ тяжело дышит, глядя в глаза Колесникова, понимая, что от того, насколько его враньё было похоже на правду, зависит его жизнь. В боксе повисает звенящая тишина.

– Так ты толком не знаешь, кто снял Тень с креста? – после продолжительной паузы спрашивает Батя. – Ничего не видел, ничего не слышал, типа, провалился без сознания, да?

– Верно, – отвечает Хлыщ, машинально ощупывая кровотокающий затылок, который он сам разбил об стену, после того как выстрелил Витьке в глаз.

– Ну-ну, – продолжает Батя, – очень удобно под шланга косить, только со мной этот номер не пройдет! – По голосу чувствуется, что Колесников выходит из себя. – Почему у Хвата и Дыма горло перерезано, а Витька пристрелили, а?! Как ты это объяснишь?! А может быть, ты башку себе специально разбил, чтобы подозрение отвести? Или ты думаешь, за прежние заслуги, тебе скидка полагается? Я вот пока не знаю, что не так, но веры тебе нет. Митяй! – Батя поворачивает голову. – Освежи ему память, а то он нам туфту гонит, как пацанам по ушам ездит! А ты, Арсеньев, придержи его, чтобы он лишний раз на полу не валялся, и так в кровище уже всё измазано.

Эсбешник подходит к Хлыщу и резко, с хрустом, со знанием дела, заводит ему руки за спинку стула.

Хлыщ скрипит зубами, мотает головой.

– Сиди тихо, не дёргайся, – шипит ему на ухо Арсеньев, – или пальцы поломаю.

Тем временем Митяй, ухмыляясь, потирая костяшки, смотрит в глаза Хлыща.

– Ну что, заяц, добежался? – спрашивает чистильщик. – Выбирай, зубы или переносица?

– Чего? – переспрашивает Хлыщ.

В ответ Митяй с размаху бьёт мужика в челюсть. Голова Хлыща резко дёргается. Слышится хруст, стон и мат.

– Минус один, – смеётся чистильщик, видя, что Хлыщ сплёвывает на пол выбитый зуб.

– Тише ты, слоняра, – шипит эсбешник, – я чуть с ним не скопытился!

– А ты держи его крепче! Это тебе не бабу мацать! – яритса Митяй. – Что, падла, вспомнил, как всё на самом деле было? – чистильщик пристально смотрит на Хлыща. – Сколько тварей пришло? Одна, две, три? Может целый отряд?

– Я уже всё рассказал, – еле ворочая языком, отвечает Хлыщ.

Митяй смотрит на Колесникова, тот кивает.

Бах!

Второй удар прилетает слева. Хлыщ стонет. Поворачивает залитое кровью лицо, смотрит на чистильщика.

– Вспомнил? – спрашивает Митяй.

Разведчик плюёт на пол, мотает головой и шепчет:

– На хер пошел.

Глаза чистильщика наливаются кровью. На шее бугрятся узлы вен. Митяй, почти не размахиваясь, тычком бьёт Хлыща ладонью в нос.

Хрясть!

На пол льётся кровь.

– Митяй, чтоб тебя! – орёт Батя. – Я же сказал!

– Ничего, отмоют! – бросает чистильщик через плечо. – А эту суку я расколю!

Митяй достает из-за пояса тесак.

– Давай мне его руку! – обращается чистильщик к Арсеньеву.

– Зачем? – спрашивает эсбешник.

– Увидишь, – Митяй лыбится, смотрит в глаза Хлыща, который уже понял, что его ждёт дальше, – ты мне всё расскажешь, ведь так?

Разведчик молчит, исподлобья глядя на Митяя.

– На, хватай! – эсбешник вытягивает левую руку Хлыща.

Митяй ловко накидывает петлю из снятого ремня на запястье разведчика, затягивает её и, подвинув ногой табурет, приматывает руку Хлыща к ножке.

– Ладонь вниз, на сиденье, пальцы растопырить! – приказывает Митяй. – Не дергайся, а то промахнусь ещё!

– Митяй, – цедит Колесников, – без фанатизма там!

– Не в первой! – отвечает чистильщик. – Жить будет.

Хлыщ с ненавистью смотрит Митяю в глаза. Сопит.

– Ну, что, скажешь нам правду? – спрашивает Митяй.

– Я уже всё рассказал! – шипит разведчик.

– Смелый типа, да? – лыбится Митяй. – Сейчас мы проверим, так ли это на самом деле.

Помнишь, как в «краба» играть?

Перед глазами Хлыща возникает картина допроса мародёра, пойманного как-то чистильщиками на окраине города. Чтобы выпытать информацию о тайниках, Митяй тогда отрезал мужику шесть пальцев – по три на каждой руке. Оставив только большой и указательный – отсюда и название пытки – «краб» или «клешня».

Хлыща бьёт частая дрожь. На лбу выступает испарина. Одна его часть испуганно вопит, что нужно во всём признаться, и будь что будет, а другая нашёптывает, что теперь, точно надо идти до конца, а на кону стоят пальцы против жизни. Главное – выдержать, и не расколотся, тогда есть шанс, что его не пристрелят как сообщника Тени, а покалечив, отпустят. Вопрос лишь в том, сколько пальцев отрежет Митяй, прежде чем Батя поверит, что Хлыщ говорит правду...

– Ну, чего молчишь? – Митяй тычет кулаком в бок разведчика. – Обосрался уже?

В ответ Хлыщ харкает кровью на пол и, видя, как тускло блестит лезвие в свете мало-мощной лампы, закусывает ворот куртки.

– Чё, в герои решил записаться? – лыбится Митяй. – Только Тень спасибо за это не скажет! Что тебе с этого?

– Ты не поймёшь, – глухо отвечает Хлыщ, бубня в ворот, и добавляет: – Мразь!

В боксе повисает звенящая тишина. Слышно, как где-то в отдалении капает вода. Митяй лыбится, упирает острие ножа под тупым углом в сиденье табурета, притягивает ладонь упирающегося Хлыща так, чтобы под лезвием оказался мизинец разведчика. Резкое движение рукой вниз. Слышится стук. Широкое лезвие отсекает палец и врубается в дерево. На пол брызжет кровь. Бокс заполняет приглушённый стон Хлыща.

– Видишь? – спрашивает Митяй, размахивая отрезанным мизинцем перед лицом разведчика. – Это только начало! Ты же помнишь правила игры. Я задаю вопросы, а ты отвечаешь. За каждый, как мне кажется, неправильный ответ, я отрезаю тебе по пальцу. Договорились?

– Я уже всё рассказал! – кричит Хлыщ, выпустив ворот. – Хоть все отрежь, мне нечего рассказать!

Митяй смотрит на Батю. Тот кивает головой. Чистильщик улыбается. Снова ставит нож вертикально, образуя рычаг, и подводит к лезвию безымянный палец Хлыща.

– Готов? – Митяй вопросительно смотрит разведчику в глаза.

Хлыщ мотает головой, шёпотом повторяя:

– Господи помоги! Господи, если ты слышишь, помоги мне!

– Не надрывайся, – говорит Митяй, – он не услышит тебя. Я здесь твой бог! Меня проси! – изо рта Митяя брызжет слюна. – Ты убил Витьку?

Хлыщ мотает головой. Щёлк. Второй палец падает на пол. Разведчик вопит от боли.

– Бляяя!.. Я же уже сказал, что его убила та тварь!

– Так ты вроде говорил, что толком не видел? – вмешивается в разговор эсбешник. – А теперь, уверен?

– А кто ещё? – кричит Хлыщ. – Сами подумайте!

– Мы не хотим тебя убивать, или калечить, – говорит Колесников, – нам просто нужна информация. Кто забрал Тень? Сколько их? Оружие? Только арбалет? Огнестрел есть? Что это за твари, или тварь? Даже если ты убил Витька – этого недоноска, мне всё равно, только скажи правду, кто и куда утащил Тень?

– Мне что, от балды выдумать надо! – не унимается Хлыщ. – Сказал же, что-то большое. Один вроде был. Никогда такого не видел. Стрелял в нас из арбалета. Про то, что Тень вернулся, и его распяли, вы же рассказали. Откуда мне знать, куда его потом забрали? Может быть, каннибалы на жратву!

Батя смотрит на Митяя, затем кивает. Чистильщик, сильнее закрутив ремennую петлю, чтобы уменьшить кровопотерю разведчика, прижимает средний палец Хлыща лезвием к сиденью табурета и, пригнувшись, говорит:

– В этот раз я буду резать медленно, так, чтобы ты почувствовал. Если мозги у тебя ещё варят, ты расскажешь нам всё. Даже стрелять потом сможешь, если я за правую руку не возьмусь.

– Да... пошёл... ты! – храбрится Хлыщ. – Хоть шпатель из руки сделай! Я тебя потом достану! Ходи и оглядывайся! Сам подохну, а тебя, суку, заберу!

Митяй смеётся.

– Ну-ну, болтать ты мастер, а как за слова ответить, сможешь?

Нож надрезает кожу. Хлыщ стонет. Его бьёт мелкая дрожь. По губам течет кровь. Митяй медленно водит лезвием как пилой.

– Сдохнешь тварюга! – орёт разведчик. – Все равно сдохнешь! Ааа...

Кажется, что даже сквозь надрывный крик Хлыща слышно, как сталь, скрипя, елозит по кости.

– Ну? – спрашивает чистильщик. – У тебя ещё есть шанс отделаться только тремя пальцами.

Хлыщ смотрит затуманенным взглядом на Митяя, затем на Колесникова, и снова на Митяя.

– Я всё вам рассказал, – хрипит разведчик, – пока вы тут возитесь, Тень упустите.

Митяй лыбится.

– Ну что, падла, ты сам так решил!

Чистильщик наваливается на рукоятку ножа.

– Су...а... ка!.. – вопит Хлыщ, брызгая слюной. – Сдох... ни!..

Разведчика выкручивает судорога. Сухожилия натягиваются как стальные тросы.

Митяй смеясь отсекает разведчику третий палец, и уже готовится перекинуть ременную петлю на правую руку Хлыща, как слышится окрик Бати:

– Харэ!

Чистильщик поворачивает голову.

– Уверен?

– Мне что, тебе дважды повторять! – взрывается Колесников. – Отпусти его! Только пусть руку в пакет засунет, а то мне весь блок кровью зальёт!

– А где я его возьму? – злится Митяй.

– На, держи, – Батя, порывшись в ящике стола, протягивает чистильщику целлофановый пакет, – всё за тебя делать надо, – бурчит Колесников.

– Засовывай! – приказывает Митяй, нехотя скидывая ременную петлю с руки разведчика.

Хлыщ, часто дрожа, белый как мел, подчиняется и засовывает посиневшую ладонь с обрубками пальцев в пакет.

– На! Перетяни его! – Батя кидает Митяю моток скотча. – Только потуже! Кровища будет меньше идти!

– Что я, санитар, в дерьме возиться?! – взрывается Митяй. Но уловив суровый взгляд Колесникова, чистильщик нехотя начинает разматывать скотч. Оторвав полоску, каратель наматывает ленту вокруг запястья Хлыща.

– Не думай, падла, что легко отделался, – шипит чистильщик, глядя разведчику в глаза, – мы ещё после с тобой потолкуем!

– Митяй! – рывкает Колесников. – Будь добр, заткнись! Надоел уже. – Ты! – обращается Батя к Хлыщу. – Дуй в медблок, сам дойдёшь?

Хлыщ, прислонившись к стене, чуть кивает.

– Хлебни! – Батя, встав из-за стола, открутив крышку, протягивает разведчику флягу. – Из личных запасов.

Разведчик вытягивает правую руку. Берёт фляжку и жадно припадает к горлышку.

– Будя тебе! – кривится Колесников. – А то всё вылакаешь!

Батя отбирает у Хлыща фляжку.

– Дойдёшь до медблока, буди, кто там сегодня дежурит, пусть тебя как следует чинят. Если будут ерепениться, сошлись на меня. Так и передай, мол я приказал, чтобы тебя обезболили, зашили, а потом «марок» отсыпали, как оклемаешься приходи, перетрём, что с тобой дальше делать будем.

Арсеньев и Митяй недоумённо смотрят на Колесникова.

– Чё встал? – Батя глядит на Хлыща. – Бегом я сказал! И мусор за собой заведи! – Батя выразительно смотрит на отрезанные пальцы, валяющиеся на полу. – Теперь отмывать всё придется, устроили тут скотобойню!

Хлыщ, хорошо зная переменчивый характер Бати, не заставляет просить себя дважды. Разведчик опускается на карачки, подбирает пальцы, засовывает их в карман. С трудом встаёт и, щёлкнув задвижкой, шатаясь, выходит из бокса.

Дождавшись, когда дверь за Хлыщом закроется, Митяй, открыв рот, силится что-то спросить, но его опережает эсбешник.

– Хитро! – говорит Арсенев, задвигая засов. – Хороший-плохой полицейский?

– Учи вас, дураков, – ворчит Колесников.

– Так ты что, поверил ему? – орёт Митяй. – Поверил этому козлу?! Он же у Тени в друганах, так он нам правду и сказал!

Колесников устало смотрит на чистильщика.

– Здоровый ты, а мозгов нет. Поверил, не поверил, ширше смотреть надо. Ну, отрежешь ты ему все пальцы, а дальше что? Хлыщ, он хоть и выглядит как домовый, а стержень имеет.

Тень он нам не сдаст и, похоже, то, что он нам рассказал, от правды ушло недалеко. Сколько мы на допрос времени потратили? Минут пятнадцать-двадцать, не больше, зато я всё узнал.

– И как ты это определил? – удивляется Митяй.

Батя натянуто улыбается.

– Хлыщ в показаниях не путался, даже когда ему боль разум застила. Признаю, что он мог заранее придумать, что говорить, но будь я на его месте, чтобы лишку не сболтнуть, или чтобы в деталях расхождений не было, врал бы как можно ближе к истине, выдумав только что-нибудь по мелочи. Мутант был один. Это – факт. Действовал без прикрытия, без пособников, огнестрела и зачем-то уташил Сухова. Это всё, что нам надо знать на данный момент.

– А зачем Хлыщ Витьку убил? – спрашивает эсбешник. – Увидел пацан чего?

– По части догадок – ты у нас мастер, а я по-простому, как учили смотрю, – отвечает Батя. – Убил, значит так надо, не велика потеря. Не о том думать надо. Так, – Колесников растирает виски, – у меня уже голова от вас разболелась, – Батя поднимает усталые глаза, – теперь надо действовать быстро. – Колесников вперивается в чистильщика: – Митяй, собирай своих бойцов. Человек десять, не больше, этого достаточно. И то, на случай, если потрошители появятся. Идёте налегке. Из оружия – только самое необходимое. Ничего тяжелого. Жратву. Воду. Только минимум. Час форы мы уже им дали, но если вы «первачом» закинетесь, а идти будете быстро, то догоните Тень. Даже если его забрал сильный мутант, не по воздуху же он летит. Тень сейчас не ходок. Значит, его тащат на волокушах. А это времени требует. Идите по руслу Пахры. Тень догнать любой ценой, но брать живым. Его спасителя по обстановке. Всё понял? – Колесников пристально глядит на Митяя.

– Пару РПК точно возьму, – цедит чистильщик, – а то, как голые двинем.

– Не более! – приказывает Батя. – Не вздумай ПКМ брать или АГС. Ваш единственный шанс – скорость! Пошёл!

Митяй недовольно ворчит, открывает было рот, но в итоге машет рукой и быстрым шагом выходит из бокса.

– Так, теперь ты, – Колесников смотрит на Арсеньева, – берёшь пару ребят и мухой дуешь на фишку Хлыща. Посмотрите, что там. Обстановку разведай. Стрелу найди. Одним словом, всё, что можно со словами Хлыща сопоставить и, если что, подцепить его. Не мне тебе рассказывать.

– Умно придумал, – хмыкает эсбешник, – хочешь потом предьяву ему кинуть?

– Ничего пока не хочу, – зевая, отвечает Колесников, – по фактам будем действовать. Чего гадать? Ты ступай, день у нас долгий будет, скоро рассвет, а я посплю пару-другую часиков пока. Как Митяй вернётся, буди меня, или, если узнаешь чего нового.

– Чего-то ты кисло настроен, – замечает Арсеньев, – думаешь, не догонят его?

– Думай, не думай, – начинает Батя, – знаешь, как раньше говорили? Хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах.

Эсбешник пытается рассмеяться, но, видя злой взгляд Колесникова, не решается.

– Ты мне как на духу скажи, – Батя кладёт руку на плечо Арсеньева, так, что тот пригибается, – юродивый наш чего говорит, этот святоша деланный! Всё воет, что мы Тень распяли?

Дмитрий облизывает пересохшие губы. Думая, как бы не вызвать гнев Бати, эсбешник тянет:

– Да... Сидит у себя в боксе со своими маразматиками, всё одно талдычит – грех мы совершили, а бог всё видит.

– И только? – спрашивает Колесников. Дмитрий чувствует, как плечо сжимают сильные пальцы.

– Ты же сам всё знаешь, – отвечает Арсеньев, – но, как мы и договаривались, я слежу за ним.

– Следи! – выпаливает Батя. – Как надо следи! Нам его тоже прищучить надо, страх он потерял, выше нас себя ставит!

Эсбешник кивает и замечает, что у Колесникова заметно дрожат пальцы.

– Ну, я пойду? – спрашивает Дмитрий.

– Иди, – отвечает Колесников, вперясь в одну точку. – Игорьку объясни, чтобы не беспокоил меня, и наблюдай за всеми, а с Хлыщом мы ещё потолкуем, помяни моё слово. Затаил он против нас что-то, нутром чую. На особый контроль его, но чтобы не догадался. По тихой так. Оружие пусть будет, но далеко его не отпускать, и только по району чтобы, под присмотром!

– Понял, – Арсеньев встаёт.

«Опять он, что ли, «марок» перебрал, – думает Дмитрий, – накатило?»

Стараясь не смотреть Бате в глаза, эсбешник выходит из бокса. Вслед ему грохает дверь и резко щёлкает задвижка.

Убедившись, по звуку шагов, что Арсеньев ушёл, Колесников валится на кушетку. Смотрит в потолок, изучая трещины, которые он смог бы нарисовать с закрытыми глазами. Думает.

«Где я, что упустил? Как так вышло? Почему Тень выжил? Или... – Батя сам дивится этой мысли, – ему кто помогает, там?..»

Колесников вперивается в одну точку на потолке. Он мысленно пытается раздвинуть бетон, вырваться из тесного склепа, воспарить над землёй и увидеть Подольск – этот город проклятых.

Батя закрывает глаза. Он сам не замечает, как проваливается в липкое марево страшных воспоминаний...

Глава 2

Грехи отцов

Убежище. Семнадцать лет назад

По коридору, перепрыгивая через спящих на полу людей, бежит лысый запыхавшийся мужчина лет тридцати – тридцати пяти, в замызганном и застиранном до серого цвета халате, который обычно носят медики.

Вслед ему раздаются мат и отборная брань:

– Куда ты прёшь, мудила!

– Какого лешего!

К хору мужских голосов добавляется визгливый женский:

– Чтоб тебя! Ни днём, ни ночью покоя от вас нет!

– Да пошла ты на хер! – бросает Хирург, пиная не в меру ретивую бабу, схватившую его за ногу. – Зенки лучше протри, сука! Только приди ко мне, когда животом маяться будешь!

– Да чего уж там, это я спросонья! – охнув, испуганно тянет женщина, быстро разжимая пальцы. – Извини, не разобрала!

Хирург, бросив гневный взгляд на разглядевших его, а теперь усиленно притворяющихся, что они дрыхнут, укрываемых, проходит ещё несколько шагов, поворачивает за угол и застывает перед металлической дверью в бокс. Медик неуверенно топчется на месте, наконец, решается, поднимает руку и тихо стучит.

– Эльза... – почему-то шепчет Хирург. – Это я... Саныч...

За дверью слышится тяжкий вздох, шорох, раздаются шаги, щелкает задвижка и в чуть приоткрытой щели показывается недовольное лицо женщины. Отбросив со лба прядь черных, но с уже заметной проседью волос, Эльза выпаливает:

– Чего тебе!

Хирург, стараясь не подать вида, что он смутился, хорошо зная, что об Эльзе, не иначе как о ведьме, способной проклясть любого, за глаза не говорит, продолжает:

– Батя сказал, чтобы ты пришла и помогла нам. Катька рожает.

– И... что?.. – тянет Эльза. – Я вам зачем? Сами не справитесь?

– Ну... так... – мнётся Хирург, – ты же говорила тогда, что... хмм... – медик пытается подобрать слова, – в общем, давай, идём...

Дверь открывается. В колких синих глазах Эльзы отражается тусклый свет ламп-сороковок. Саныч почти физически ощущает, как его ощупывают, точно заглядывают в душу, выворачивая наизнанку нутро.

– Это Катькина кровь на тебе? – женщина тычет пальцем в халат, на котором виднеются свежие бурые пятна.

– Да, – нехотя отвечает Хирург.

– Реально всё так хреново? – Эльза щурится, глядя прямо в глаза медика.

– А ты приди, и сама посмотри! – горячится, теряя терпение, Саныч. – Мы её в третий – резервный медблок положили, где обычно бойцов латаем, чтобы внимание не привлекать, а ты у нас за акушерку числишься! Или мне Бате передать, что ты, мягко говоря, проигнорировала его просьбу? – Хирург делает ударение на последнем слове. – Думаешь, он обрадуется? Вы и так с ним как кошка с собакой! Не усугубляй своего положения!

– Не как кошка с собакой, а на ножах, – бурчит женщина, потирая ладонь, на которой виднеется алый рубец от недавно зажившего шрама. – Идём, а то ты глотку драть горазд! Перебудишь всех.

Хирург кивает и, повернувшись, быстрым шагом уходит прочь по коридору.

– Вот и свершилось, – шепчет Эльза, сверля взглядом спину медика, – всё как я и предсказывала...

В женщине точно борются две сущности. Одна, толкая в спину, вопит: «Помоги Катюшке!», а вторая точно держит когтистыми пальцами за подол накидки, нащёптывая: «Пусть эта подстилка сдохнет! Эта тварь вынашивает ублюдка Колесникова, а ты хочешь её спасти?! Кем ты тогда будешь?»

Эльза с полминуты думает, затем плюёт на пол, на несколько секунд исчезает в полумраке бокса. Вскоре она выходит оттуда с переброшенной через плечо объёмной сумкой, в которой что-то побрякивает с металлическим звуком.

* * *

Убежище. Третий медблок. Пять минут спустя

– А... пришла, ну заходи, – устало говорит Колесников Эльзе, застывшей на пороге хирургического отделения.

– Началось? – спрашивает женщина, глядя в сторону лежащей на кушетке и едва слышно стонущей девушки, накрытой покрывалом, под которым угадывается огромный живот. Разительным контрастом с измождённым осунувшимся лицом и лихорадочно блестящими глазами смотрятся размётанные по подушке густые тёмные волосы – неслыханная роскошь в мире после.

– А чего, не видно, что ли?! – злится Батя, нарочито оправляя кобуру с пистолетом.

– А где все? – интересуется женщина, озираясь по сторонам. – Пусто здесь чего-то.

– А нам публика ни к чему, – отвечает Колесников, – или ты думаешь, я на роды всех созову? Саныча и тебя хватит.

– Опять ты мне врешь! – неожиданно выпаливает Эльза, проходя вперёд. – Ты просто боишься, что все увидят, как...

– Заткнись тварь! – рявкает Батя так, что Саныч, копошавшийся возле столика с хирургическими инструментами, от неожиданности впечатывается в стену.

Подорвавшись с места, Колесников подбегает к Эльзе.

– Молчи, дура! Если ты ещё хоть слово вякнешь!

Батя заносит руку над женщиной.

– Ну, ударь меня! – Эльза с вызовом смотрит в глаза Колесникова. – А ещё лучше порежь, как в тот раз! Ну, чего ждёшь, кишка тонка? Или боишься сдохнуть без меня! Или выбрось на поверхность, как ты поступаешь со всеми, кого вы называете выродками! Они больше люди, чем вы!

В боксе повисает звенящая тишина, которую нарушает прерывистое дыхание роженицы.

– Игорь... – слышится тихий голос девушки, – оставь её, мне больно... Он словно рвёт меня изнутри...

Батя оборачивается. Смотрит на Катю, затем опускает руку и неожиданно говорит Эльзе:

– Спаси их! Слышишь, спаси! Я знаю, ты можешь! Проси, что хочешь, только пусть они живут!

Женщина кивает. Обходит Колесникова. Подходит к девушке и, чуть отёрнув лёгкое покрывало, присаживается рядом с ней.

Катя силится что-то сказать, но Эльза прикладывает палец к её губам.

– Шшш... молчи, – говорит женщина, – я чувствую твою боль.

Эльза пробегается взглядом по простыне.

– Давно её меняли? – спрашивает женщина, обращаясь к Хирургу.

Саныч мотает головой:

– Да нет, как раз перед тем, как я к тебе прибежал.

– Понятно, – Эльза не подаёт вида, что кровянистых выделений на простынях слишком много даже для сложных родов.

– Я тебя осмотрю, хорошо? – ласково спрашивает женщина у девушки. – Ты только помоги мне, говори, если больно будет, хорошо?

Катя кивает, закусывает губу, с надеждой смотрит на Батю. Колесников делает шаг вперёд, но его останавливает поднятая вверх рука Эльзы.

– Стой, где стоишь, без тебя обойдусь!

Эльза встаёт, подходит к умывальнику, тщательно моет руки, протирает их грибным самогоном. Затем задергивает ширму, сделанную из рекламного баннера, протянутого на проволоке. Скинув с девушки простыню, женщина начинает деловито ощупывать раздутый по бокам живот. Пальцы скользят по туго натянутой коже, искрещённой мелкими прожилками вен и бордовыми лопнувшими растяжками. Эльза отмечает про себя, что живот кажется просто невероятно огромным, по сравнению с измождённым нагим телом с выпирающими рёбрами.

– Так, – говорит Эльза, надавливая пальцами сверху и снизу живота, – больно?

– Нет, – тихо отвечает Катя.

– А так? – Эльза надавливает на бока.

Девушка чуть слышно стонет и мотает головой.

– Не ври мне! – сухо говорит женщина. – Не время сейчас из себя героиню строить. Говори, как есть! Сильно болит?

– Да, – стонет Катя, – очень, что не так?

Эльза, стараясь не подать виду, что она обеспокоена, ласково отвечает:

– Всё нормально, Катенька, не волнуйся, так бывает. Согни ноги в коленях.

Девушка пытается выполнить приказ, но тело её точно не слушается.

– Не могу, сил нет, – шепчет Катя.

– Тогда терпи, я ещё немного тебя помучаю.

Эльза переворачивает девушку, затем кладёт растопыренную ладонь на её левый бок.

– Выдохни, удержи дыхание, а потом вдохни поглубже.

Девушка пытается выполнить приказ, но сразу кривится.

– Больно!

– Надо, милая, надо, – тихо говорит Эльза, – только один раз, послушай меня, так надо.

Катя часто дышит, в её глазах стоят слёзы. Наконец девушка решается. Выдыхает, задерживает дыхание секунд на тридцать, а потом резко вдыхает. В ту же секунду под потолок несётся отчаянный крик, а Эльза ощущает, как под её ладонью дёргается что-то огромное, даже для крупного младенца.

«Чтоб меня! – мысленно ругается Эльза. – Дело дрянь».

Женщина, приговаривая: «Отдохни пока, милая, отдохни, моя хорошая!» – переворачивает девушку на спину. Затем, прикрыв её простынёй, встаёт, отбрасывает баннер и быстрым шагом подходит к Бате.

– Ну, что там? – с надеждой спрашивает Колесников.

Эльза отводит его в сторону, знаком подзывает Хирурга и так, чтобы Катя не услышала, тихо говорит:

– Плохо, очень плохо. Плод... – Эльза задумывается, – он просто невероятного размера, лежит поперёк. Естественным путём ей не родить. Развернуть его я тоже не смогу. Младенец точно растопырился внутри и рвётся наружу. Поэтому ей так больно.

– Из-за чего это произошло?! – шёпотом орёт Колесников. – Ведь нормально всё протекало!

– Я говорила... тогда... тебе, что чувствую что-то... – Эльза делает паузу, явно подбирая слова, – непонятное... он так быстро вырос! Ведь прошло только шесть месяцев!

– Не выводи меня как в тот раз! – заводится Батя. – Говори, что нам делать, ну? – Колесников вопросительно смотрит на Эльзу.

– Младенец большой, очень большой. Вот он и развернулся. Он просто внутри неё не помещается. Ему больно, и он причиняет боль матери! Выход только один! – женщина смотрит в глаза Хирургу.

– Кесарить? – неуверенно спрашивает Саныч.

– А ты чего... боишься? – подначивает Эльза. – Или только когда пальцы, ноги отрезать и раны штопать, у тебя руки не дрожат?

– Да пошла ты! – бросает Саныч. – Как ты думаешь повернуть это в наших условиях?! У нас ни спинальной, ни эпидуральной анестезии нет! Под общим делать? Без вентиляции лёгких? А если она...

– Так! – рявкает Колесников, перебивая Хирурга. – Говорите, чтобы мне было понятно! Что вы собираетесь делать?

Саныч открывает рот, но его опережает Эльза.

– Отойдём.

Поймав удивлённый взгляд Бати, женщина шёпотом продолжает:

– Нельзя чтобы... – Эльза делает паузу, а вместо имени девушки говорит: – она нас услышала.

Колесников кивает, и они вместе с Эльзой выходят в коридор.

– Ты тоже, – приказывает женщина Хирургу.

Троица затворяет дверь в бокс, и Эльза, зачем-то оглядевшись по сторонам, произносит:

– Ей не пережить операции.

– Кому? Катеньке? – переспрашивает Батя.

Эльза кивает.

– Ребёнок очень большой, как я и говорила, лежит поперёк, чтобы его вытащить, нам придётся делать не вертикальный, а длинный горизонтальный разрез. Не думаю, что после того, как мы её располосуем, она выживет. Нам бы плод при этом не повредить.

– Что? – снова переспрашивает Колесников.

– Да очнись ты! – Эльза трясёт Батю за плечо. – Пойми – это не обычная операция! Да, с нашим оборудованием и медикаментами и всем тем бараклом, что вы потом выгребли из госпиталя, мы бы могли её спасти, не будь в ней...

– Кого? – неуверенно шепчет Хирург и неожиданно выпаливает: – Мутанта?

Слово точно повисает в затхлом воздухе, отдающем смрадом пота и свежей крови.

– Что ты сказал? – начинает яриться Батя, сжимая пудовые кулаки. – Да я... тебя... за это собственными руками приду...

Эльза останавливает Колесникова, схватившего Саныча за грудки.

– Оставь его! – шипит женщина. – Помнишь, пару месяцев назад я говорила об аномальном развитии плода, а вы меня послали и запретили даже заходить к Катюхе.

– Вы говорите о моём ребёнке! – грохает Колесников. – О сыне! Я чувствую, знаю это! А вы говорите о них как о куске мяса! Саныч, чего она втирает нам, а? – Батя, часто моргая, смотрит на Хирурга. – Скажи ей!

– Вопрос не в том – спасём ли мы мать, а в том – выживет ли ребёнок, да и ребёнок ли... – обречённо говорит Эльза. – Решай, как мы это сделаем.

– Заткнись! – орёт Батя. – Мой сын чистый, здоровый, не то что... все эти уроды!

– Вот и проверим... – эхом отзывается Эльза.

Колесников, покачнувшись, смотрит на Саныча, словно ища поддержки у Хирурга, затем переводит взгляд на Эльзу.

– Мы её обезболим, – быстро говорит женщина, – ей не будет больно, проблема лишь в том, что если переборщим, то можем навредить ребёнку. У Кати может начаться кислород-

ное голодание, а это отразится на мозге младенца и функционировании его нервной системы. Поэтому наркоз нужно строго дозировать, чтобы хватило, пока мы будем её резать и вытаскивать ребёнка, а потом...

Эльза прерывается, видя безумный взгляд Бати.

– А что потом? – дрожащим голосом спрашивает Колесников.

– Надо будет решать, что делать с Катей, – не моргнув глазом отвечает Эльза. – Точнее, как её...

– Чего? – Хирург замечает, как Батя инстинктивно тянется за оружием.

– Ты можешь орать, – тихо говорит Эльза, так, чтобы её не услышала роженица, – можешь избить меня, даже убить, но из всех твоих прихлебателей только я говорю правду. Что бы мы не сделали, Катя умрёт, так, или иначе. Но как это будет – решать тебе. Время идёт.

Колесников открывает рот. Хочет что-то сказать, но изо рта вырывается лишь тяжкий стон. Батя обхватывает голову руками и тяжело опускается на пол.

– Идём, – Эльза тянет Хирурга за руку, – время не ждёт, пора начинать.

Женщина открывает дверь в отделение.

– Эльза! – окликает её Батя.

Женщина поворачивает голову.

– Скажи мне, – продолжает Батя, – когда ты такой стала?

Эльза на секунду задумывается, затем отвечает:

– Я такой была всегда.

Женщина заходит в бокс вместе с Хирургом. Сквозь точно нарочно оставленную щель между дверью и косяком Колесников слышит, как Саньч звякает хирургическими инструментами, а Эльза что-то горячо говорит Кате, которая начинает плакать.

– Шшш... – едва слышно раздаётся голос Эльзы, – всё хорошо будет. Больно не будет. Просто поспишь. Ребёночка вытащим и тебя спасём. Только помоги нам.

– Обещаешь? – спрашивает, приподнимаясь, девушка.

– Да, – точно рубит Эльза, – молчи, лучше силы побереги. Сейчас наркоз дадим и ты ничего не почувствуешь.

Кровь стучит в висках Бати. Колесников хочет встать, но ноги его не слушаются. Прислонившись к стене, он начинает бить затылком об бетон.

Раз.

Другой.

Третий.

Боль физическая заглушает боль душевную. По шее течёт кровь. Колесников растирает тёплую струйку пятернёй, подносит ладонь к глазам. В тусклом свете единственного потолочного светильника ему кажется, что запятнанные липкой жидкостью пальцы окрашены в чёрный цвет. Где-то в отдалении слышны голоса, хрипы, всхлипы. Убежище стонет как единый организм в такт движений скальпеля, который рассекает живот Кати.

В мозгу Бати вспыхивает картинка. Свет и тень меняются как вспышки стробоскопа, который высвечивает всё, что происходит на операционном столе. Колесников словно видит со стороны, как за острым лезвием, поперёк живота девушки тянется разрез – тонкая красная линия. Колесников почти ощущает страшную боль, словно режут не Катю, а его самого вскрыли без наркоза.

«А...аа!...» – безмолвный вопль Бати исчезает во тьме – липкой чавкающей субстанции, выпрастывающей щупальца ему на встречу.

«Это мой грех! Не её! – мысленно надрывается Колесников, воздев глаза к потолку. – За что, господи?! Прошу тебя! Спаси её и моего сына! Лучше забери меня вместо них! Обещаю, если они выживут, я изменю порядки! Выродков больше не будут выбрасывать наружу! Только спаси их! Спаси и сохрани!»

Но небеса остаются глухи. Лишь далёкий звук падающих капель воды и чьи-то голоса эхом отражаются от стен.

Тем временем Хирург, промокнув кровь тампоном и ловко орудуя щипцами, помогает Эльзе расширить надрез на животе девушки, который теперь напоминает огромный раззявленный рот, застывший в вечном крике.

Батя отворачивается. Закрывает глаза, стараясь прогнать страшное видение. Но кто-то, словно разжав веки, заставляет его мысленно смотреть на страшную картину, когда руки Эльзы погружаются в распластанную плоть Кати, с трудом извлекая наружу покрытое кровью и слизью синюшнее тельце, за которым тянется пуповина. То немногое, что ещё связывает ребёнка с матерью, жизнь которой истает на глазах.

Из рта Колесникова исторгается не то рык, не то стон. Урча как раненый зверь, Батя делает над собой огромное усилие и, согнувшись, упирается ладонями в пол. Затем, перебирая руками, встаёт, чувствуя, словно на него навесили пудовые гири. Колесников делает пару неуверенных шагов, дрожащей рукой приоткрывает дверь в бокс, больше всего на свете боясь увидеть то, что находится за ней.

Эльза и Саныч, лихорадочно копошась возле Кати, поворачивают головы.

– Стой где стоишь! – рявкает Эльза, перерезая пуповину и быстро отворачиваясь вместе с младенцем.

– Мальчик? – неуверенно спрашивает Колесников.

Женщина кивает.

– По... кажи... мне его! – приказывает Колесников, стараясь не смотреть на Катю, чей живот напоминает раскрытый розовый бутон, в котором виднеются тугие, склизкие кольца внутренностей, перемазанных кровью.

– Потом! – упорствует Эльза. – Сначала она! – женщина кивает на девушку.

– Почему он молчит?! – орёт Батя. – Он же должен кричать! Или нет? Что с ним!

Колесников проходит вперёд, но Эльза, прижимая к себе ребенка, отходит к стене. Батя направляется к ней, но в этот момент он слышит, как Катя, тяжело вздохнув, начинает биться в судорогах.

Поймав взволнованный взгляд Хирурга, Батя подбегает к хирургическому столу и, схватив девушку за руку, кричит:

– Катя!

– Да не слышит она тебя! – орет Саныч. – Действие наркоза заканчивается! У нее начинается болевой шок!

– Помоги ей! – приказывает Колесников. – Зашивай!

– Бесполезно! – эхом отзывается Эльза.

– Что? – переспрашивает Батя повернувшись.

– Ей уже не помочь, – продолжает Эльза, – пришлось резать внутренности, чтобы достать ребёнка, можно только облегчить страдания.

– Тогда колите ей передоз! – взрывается Колесников.

– Нечем столько, – вворачивает Хирург, – мы ей всё загнали перед началом операции, никак не вырубалась!

– Б...ля!.. – стонет Батя.

Глаза Колесникова бегают из стороны в сторону, останавливаются на окровавленном полотенце. Не говоря ни слова, Батя срывает его со спинки стула и, отработанным движением свернув в жгут, накидывает как удавку на шею Кати.

– Один, – считает Колесников сквозь душасшие его слёзы.

– Два, – девушка начинает затихать.

– Три, – с губ Кати срывается протяжный хрип.

– Четыре, – Батя смотрит на посиневшее лицо девушки.

– Пять, – Колесников ослабляет хватку и валится на спину.

В тени сверкают глаза Эльзы.

– Ты всё правильно сделал, – говорит она, – другого выхода не было.

– Руки, – едва слышно произносит Батя, – руки не слушаются, а курить хочется.

В повисшей тишине слышно, как Хирург чиркает зажигалкой. Прикуривает, дрожащими пальцами подносит самокрутку к губам Колесникова.

– Затянись, легче будет, – шёпотом говорит он.

Батя затягивается, выпускает под потолок несколько терпких клубов дыма.

– Покажи мне моего сына! – рычит Колесников, поднимаясь с помощью Саньча.

Эльза, задумавшись, нехотя кивает и выходит из тени. В неярком свете потолочной лампы Батя видит, что на руках женщины лежит огромный младенец с приплюснутым черепом, сморщенной серой кожей и немигающими чёрными глазами, напоминающими два пятака.

– Что... это... – хрипит Батя.

– Твой сын, как я и говорила, – отвечает Эльза.

– Выродок?! – орёт Колесников. – Урод?!

– Обожди! – осекает его Эльза. – Он хоть и не орёт, но на дебила не похож, возьми его.

Женщина протягивает младенца Бате, но он отшатывается от него как от прокажённого.

– Убери его! Слышишь, убери! – кричит Колесников. – Эта тварь убила мою Катеньку!

Колесников переводит взгляд на тело девушки, пробегает глазами по распоротому животу и внезапно меняется в лице. Батю начинает бить частая дрожь. С плохо скрываемой яростью он произносит:

– Избавься от него! Придуши! Выкинь в отстойник, только чтобы я его не видел! И никто про него не знал!

– Ты чего! – кипятится Эльза. – Это же твой сын! Он же здоровый! Руки-ноги на месте.

Вырастет, может и говорить будет.

Батя отмахивается.

– Делай, как я сказал! А ты, – Колесников смотрит на Хирурга. – Если ляпнешь про это кому, глотку зубами вырву. Понял?!

Саньч кивает, испуганно смотрит на Эльзу.

– Я не буду убивать ребёнка! – цедит женщина.

– Тогда это сделаю я! – рявкает Колесников.

Батя подходит к Эльзе, пытается отобрать у неё ребёнка. Женщина сопротивляется и, вырвавшись, отбегает в сторону двери.

– Убьёшь его, и я всем расскажу, что у тебя родился выродок! – шипит женщина. – Ты мне рот не заткнёшь!

– Уверена? – лыбится Батя. – А сдохнуть не боишься?

– Все мы когда-то умрём, – ухмыляется Эльза.

– Только ты первая, а потом он, – с этими словами Колесников вытаскивает из кобуры ПМ и наставляет пистолет на женщину.

– Считать не буду, – рявкает Батя, – да или нет?

Эльза закусывает губу, смотрит на дверь, понимает, что убежать не успеет, потом переводит взгляд на младенца, затем на Колесникова и нехотя кивает.

– Клади его на стол, так, чтобы я видел!

– Батя, ты чего? – пытается вмешаться Хирург. – Может лучше бабам его отдать? Скажем, что нашли наверху.

– Тебя, мудака, забыл спросить! – ярится Колесников, впадая в бешенство. – Ты лучше проследи, чтобы она не надула нас. А то и тебя искать придётся!

Саньч вздрагивает и бочком, опасаясь показать затылок Бате, подходит к Эльзе.

– Ну? – пистолет становится продолжением руки Колесникова. – Быстрее я сказал! Мы так до утра здесь провозимся!

Эльза подчиняется. Прижав к себе младенца, женщина проводит рукой по головке, словно прощаясь и, не дожидаясь команды Бати, сжимает пятерню на шее ребёнка. Мальчик широко распахивает глазки, внимательно смотрит на Эльзу, затем, к удивлению женщины, с силой поворачивает голову, впериваясь в Батю.

Ни крика, ни стога. Лишь взгляд тёмных, точно бездонных глаз, от которого хочется бежать без оглядки. Пистолет в руке Колесников дрожит.

– Не смотри на меня! – кричит, птясь, Батя. – Слышишь, не смотри! Сделай так, чтобы он не пялился на меня! – орёт Колесников Эльзе.

Женщина, упёршись свободной рукой в грудь младенца, бросает дикий взгляд на Колесникова, затем на Хирурга, так, что они отшатываются от неё. Что-то беззвучно прошептав ему на ушко, Эльза с хрустом сворачивает мальчику шею. Тельце разом обмякает. Батя прижимается к стене, а Саныч, хватая ртом воздух, внезапно сгибается пополам и обильно блюёт на пол.

– Сделано, – цедит женщина, – проверять будете?

Батя зло смотрит на Эльзу. Убрав пистолет в кобуру, он подходит к Кате. Намотав её разметанные по хирургическому столу волосы на кулак, он подносит их к губам и что-то неразборчиво говорит. Затем, взяв с тумбы скальпель, Батя отрезает прядь и прячет её в карман. Резко выпрямившись, Колесников направляется к двери, повернувшись, говорит:

– Приберите здесь! Урода давайте куда хотите, а Катеньку... – Колесников, повернув голову, глядит на тело девушки, – сжечь в бойлерной, а прах развеять. И только посмейте сболтнуть кому, что тут случилось, грохну! Для всех – Катя и ребёнок умерли при родах и точка!

Дверь захлопывается.

Эльза часто дышит. Смотрит на утирающего рот рукавом халата Хирурга. Пользуясь моментом, женщина, метнув быстрый взгляд на Саныча и убедившись, что он на неё не смотрит, до крови закусив губу, отточенным движением вправляет себе большой палец, вывернутый в суставе. Поспешно накрыв тело младенца простыней, Эльза засовывает его к себе в сумку.

– Я пойду, – Эльза трогает Саныча за плечо, – чего-то сердце ноет, а ещё трупик выбросить надо, сам здесь справишься?

Хирург кивает.

– Иди, иди, – и внезапно добавляет: – Выпить хочешь?

Женщина мотает головой.

– Сам прими, тебе нужнее, у меня другие дела есть...

Саныч поднимает усталые глаза, смотрит на Эльзу, затем берёт её за руку.

– Ты всё правильно сделала. Ребёнку всё равно не жить, а Батя тебя бы пристрелил.

– Знаю, – бросает женщина, высвобождая руку, – по-другому нельзя...

Эльза выходит за дверь и быстрым шагом удаляется по коридору.

* * *

Убежище. Гермоворота. Двадцать минут спустя

– Эй, хмырь! Ты куда намылился?! – кричит дежурный идущему к нему человеку в ОЗК, вскидывая АКС-74У.

– Сиплый! Оружие убрал! – раздаётся из переговорного устройства противогаза женский голос.

– Эльза? – удивляется охранник, сдёргивая с лица респиратор. – Куда это ты собралась на ночь глядя?

– Туда! – машет рукой Эльза, указывая на гермоворот. – А куда иду, то моё дело и не твоего ума дело.

Женщина небрежно подтягивает лямку большой сумки, переброшенной через плечо.

– Да ты не злись, – Сиплый, пытаясь замять ситуацию, убирает «укорот», – мы люди подневольные, что прикажут, то и делаем.

– А я и не злюсь, – цедит Эльза, – всё понимаю. Я наверх иду, надо кое-что проверить...

– Опять к выродкам? – интересуется охранник. – Ты поосторожнее с ними, ребята говорят, лютуют они. Давеча разведотряд ещё пару выпотрошенных тел в подвале многоэтажки неподалёку обнаружил. Жрут они друг друга.

– Ты меня знаешь, – Эльза показывает обрез двустволки, – у меня не забалуешь.

– Ну-ну, – охранник подобострастно лыбится, – тебе палец в рот не клади.

– Ты герму открывай, – торопится женщина, – часики тикают, а мне под утро уже вернуться надо.

– А ты это... – мнётся охранник, – разрешение на выход покажи, мне же потом... отвечать, если что...

– Личный приказ Колесникова! – врёт Эльза. – Можешь потом сам у него спросить.

Сиплый задумывается. Чешет затылок. Смотрит на Эльзу, точно пытаясь рассмотреть её глаза сквозь линзы противогаза, затем говорит:

– Ну, раз Батя приказал, то конечно пропущу, только в журнале выхода отмечься, как положено.

Эльза кивает.

– Само собой.

Женщина открывает потёртую толстую тетрадь и небрежно выводит: «Эльза Гёрстер. Время выхода – 3:45».

Под графой «цель» Эльза, на секунду задумавшись, выводит: «Выродки». Затем захлопывает тетрадь.

– Всё? – в голосе женщины звенят металлические нотки.

– Угу, – кивает охранник, – там снаружи, несколько наших на точке сидят, если что пальни, они прикроют тебя.

– Спасибо! – Эльза засовывает обрез в самодельный чехол, закреплённый у пояса.

Сиплый берётся за штурвал гермоворот, поднатуживается и начинает с усилием вращать колесо. Герма нехотя поддается. Женщина, не дожидаясь, когда створка откроется полностью, бочком протискивается в образовавшуюся щель.

Буквально взлетев по ступеням вверх, Эльза оказывается в уже ставшем привычным мире после. Оглядывается. По календарю сейчас – самый конец августа, но судя по пронизывающему холодному ветру, распяленным чёрным облакам и низкой, точно прибитой в центре небосвода луне, похожей на череп, что-то разладилось в небесной канцелярии с момента Удара.

Пригибаясь, женщина идёт по двору Подольской городской клинической больницы. Так, наверное, чувствуют себя космонавты, впервые ступая на поверхность неизведанной планеты. Чуждый мир, точно выкрашенный в грязно-бурые краски. Почти лишённые листья деревья с искривлёнными, как позвонки, стволами. Завывания ветра в ушах. Грязь, похожая на раскисшее тесто, чавкает под ногами.

– Уже скоро, – шепчет Эльза, поднимая голову и вглядываясь в сумрак, – у меня есть, чем угостить вас...

Женщина, прижимая к себе раздутую сумку, упрямо идёт вперёд – туда, где в серых больничных корпусах, сквозь заколоченные досками окна мелькает призрачный свет от горящих костров...

Глава 3

Аз есмь

*Если я пойду и долиною смертной тени,
Не убоюсь зла, потому что Ты со мной;
Твой жезл и Твой посох —
они успокаивают меня...*

Псалом 22

Подольск. Убежище. 2033 год

Колесников, вздрогнув, открывает глаза. Озирается по сторонам, словно не веря, что он лежит здесь, у себя в боксе, а не стоит возле изрезанного тела Катеньки. Батя утирает со лба холодный пот.

«Приснится же такая хрень, – думает Колесников, – столько лет прошло, а как наяву всё было. И ведьма эта, словно только что говорили. Тварь! Ей человека вскрыть, что мышшь порезать. Правильно, что потом выгнал её. Правильно. Сдохнет и могилки не будет, даже поклониться нельзя».

Колесников встаёт, пытаясь сообразить, ночь сейчас или день. Смотрит на часы на стене. Стрелки замерли на 8:30.

«Хорошо меня вырубил, – думает Колесников, – а всё «марки» эти, будь они неладны. А без них не уснуть».

Неожиданно, в отдалении, раздаётся гомон возбуждённых голосов. Батя подходит к выходу из бокса, сдвигает засов и рывком распахивает дверь. Вскочившего было со своего места Игоря Колесников останавливает знаком руки. Прислушивается. Метрах в двадцати по коридору, со стороны гермодвери, мелькают тени, слышится топот ног.

«Мля. Кого это там нелёгкая принесла?! – матерится про себя Батя. – Митяй вернулся? Неужели Тень нашли?!»

Догадка, как молния, пронзает затуманенный спросонья разум. Колесников быстро идёт вперёд. Он видит, что в зоне выхода уже собралась толпа. Мужчины о чём-то громко переговариваются, показывают на кого-то. Несколько женщин тихо воет.

Не понимая, что происходит, Батя, зычно крикнув: «А ну, дармоеды, отзынь в сторону!», – расталкивает разом притихшую толпу и видит, что на полу шлюзового отсека, в окружении чистильщиков из отряда Митяя, уже снявших ОЗК и прошедших дезактивацию, лежит четыре окровавленных тела.

– Что за... – начинает Колесников.

Один из бойцов поворачивается.

– Митяй! – рывкает Батя. – Что произошло?! Где Тень?!

Каратель плюёт на пол. Смотрит исподлобья на Колесникова и, глубоко вдохнув, выпаливает:

– А хрен его знает, где эта тварь! Мы в засаду попали. И догадки твои не помогли! Надо было гранатомёты с ПКМ брать, как я и хотел! Горб, Жердь, Молчун, Сорок Седьмой – сдохли. Как ножом срезало. Нас кто-то из арбалетов пострелял. В клещи взяли, а потом как в тире, с четырех сторон положили.

– Ты что, ебанулся?! – взрывается Батя. – Вас было десять человек в полной боевой выкладке, с огнестрелом против одного мутанта, а ты мне туфту вгоняешь, про какой-то отряд под предводительством долбаного Робин Гуда?! Трепло!

– А ты сам посмотри! – на скулах Митяя играют желваки. – Видишь! – боец показывает на сквозную рану на груди Горба. – Точно копьём засадили, через броник стрела прошла. Это даже не человек шмалял. Болты из «шестнадцатой» арматуры, гляди.

Митяй знаком подзывает одного из чистильщиков. Тот разворачивает тряпицу и кладёт на ладонь арбалетный болт, сделанный из толстого рифлёного стального прута с заострённым трёхгранным наконечником. Колесников берёт стрелу. Взвешивает её на руке.

– Ого! – восклицает Батя, прикидывая вес болта.

Повернувшись, Колесников смотрит на толпу.

– А вы чего zenки вылупили?! Давно в карцере не сидели? Марш по боксам!

Люди, обиженно сопя, бросая косые взгляды то на Батю, то на Митяя и выживших в бойне чистильщиков, нехотя расходятся.

– Ты что мне за представление тут устроил, а?! – рывкает Колесников, хватая Митяя за грудки и припирая его к стене, едва люди разошлись. – Мудила! Теперь всё Убежище будет знать, что вас сделала какая-то хрень с арбалетом! Мало нам слухов! Или... – Батя меряет Митяя с ног до головы тяжёлым взглядом, – ты решил из одного мутанта целый отряд придумать и жопу свою так прикрыть, да?! Сам обделался, как соплежуй, и голову в песок! Ты кому другому сказки будешь рассказывать, но только не мне! Один он был, развели вас как щенков! Да будь там целый отряд, вас бы всех положили, а так, только припугнули, чтобы вы Тень не преследовали, понял?!

Чистильщики смотрят на своего командира, видя, как глаза Митяя наливаются кровью.

– Ничего я не хотел! – ярится Митяй, с трудом вырываясь из мёртвой хватки Колесникова. Оправив куртку, чистильщик рывкает: – Ты знаешь, мы не отступаем, но Хлыщ нам туфту прогнал. Их явно больше нас было, не люди. Стреляли с нескольких сторон, сквозь метель. Даже в ПНВ ничего бы не увидели, а этим хоть бы что. Может, у них тепловизоры были!

– А ещё кристаллы магические! – передразнивает Батя. – Тебе не командиром быть, а на кофейной гуще гадать. Одни предположения. Не один говоришь, мутант? – продолжает издеваться Колесников. – А сколько? Пять, десять?

Митяй пожимает плечами.

– Не знаю.

– Да хоть двадцать! – бесится Батя. – Один он сработал! Гонишь ты! Зуб даю! Задание, какое было, а? Тень и паскуду, которая его сняла, достать! А я чего вижу! Четыре трупа! Приказ слит начисто! Тень исчез. Кто ему помог смыться – неизвестно. Ты типа повоевал, людей угробил, но свою-то задницу спас, а я один в дураках остался.

– Но... – начинает, багровея, Митяй.

– Ааа... – машет рукой Батя, – иди ты! После перетрём, сейчас запрягаешь бойцов. Пусть трупы в морг перетащат, а Хирург и его команда их посмотрит, может он что дельное скажет. Как выполнишь, мне доложишь.

Митяй нехотя кивает. Колесников разворачивается и уходит, думая о том, что предчувствие его не обмануло, а Тень так просто не взять.

«Что же ты за хрень такая, Сухов? – размышляет на ходу Батя. – Кто тебе так рьяно помогает? Или... святоша наш прав, и ты на самом деле нужен ему для чего-то?.. – Колесников поднимает глаза к потолку. – Эээ... нет, не верю. Бог здесь ни при чём! Иначе Катенька не умерла бы. Ведь тебя нет! Я знаю! А если ты есть, то покарай меня, вот прямо здесь и сейчас! – мысленно орёт Батя, вперясь в бетонные перекрытия».

Но небеса остаются глухи. Колесников идет по коридору, а звук шагов эхом отражается от стен...

* * *

Раменский район. Недалеко от деревни Марково

Вверх... Вниз... Вверх... Вниз... Меня словно качает на волнах. Пытаюсь сообразить, где я. Голова словно набита ватой. Всё тело ломит. Ощущение, что от боли вопит каждая клеточка тела. Пытаюсь пошевелиться. Руки и ноги не слушаются. Глаза застилает мутная пелена. Век не разомкнуть. Просто нет сил. Кажется, я даже забыл, как меня зовут. Но я должен вспомнить. Вспомнить всё.

Мысленно взываю к знакомым образам. Память – эта обычно услужливая старуха, в этот раз точно дразнит меня, показывая какие-то обрывки. Внезапно слышу отчаянный крик, не снаружи – внутри себя. Женский голос долбит в черепе, разрывает мозг на части:

«Сергей! Ты обещал мне, обещал защитить, спасти! Тень!!!»

Вопль буквально выдирает меня из небытия.

«Маша? – думаю я. – Машенька... Машулька!»

Мой мысленный крик уносится вдаль, беря в глубине сознания страшные события последних дней. Я точно отматываю назад плёнку, с усилием крутя ручку старинного кинопроектора, видя, как в мерцающем свете, на желтом, затертом до дыр полотне, показывается казнь. Меня распинают. Я снова чувствую боль, страх, ненависть, но они не сравнятся с тем, что произошло потом...

Машенька. Я вижу, как Митяй стреляет в неё. Любимая падает подле креста, на котором меня распяли. Я смотрю на неё, пытаюсь запомнить такие знакомые, но теперь... такие далёкие черты лица. Слепые глаза взирают на меня из пустоты, точно обвиняя в чём-то. Что это? Судилище? Нет! – отвечаю я сам себе. Её смерть дала силы жить мне, выдернув из зыбкого ничто. Я зачерпнул из отравленного источника и теперь пропитан ядом ненависти. Убивать не страшно. Страшно не убить того, кого нужно...

– Тень! – хриплый голос прогоняет видение. – Оклемался?

Сделав над собой усилие, я с трудом разлепляю заплывшие от кровоподтёков веки. В глаза брызжет солнечный свет. Тусклый обычно, но сегодня он мне кажется необычайно ярким. Как могу, поворачиваю голову. Вижу размытое пятно впереди меня, которое быстро приобретает контуры огромной фигуры, закутанной в накидку. Действие питья, или чего мне там дал Яр, быстро проходит. Я чувствую холод. Боль. Страх.

Промозглый ветер свистит в ушах. Не могу понять – холодно мне, или зубы просто стучат от лихорадки, сжигающей меня изнутри.

– Уже скоро. Еще немного и придем, – подбадривает меня гигант. – Я бы тебе еще поила этого дал, но нельзя, вырубисься опять, а тебе, возможно, придется говорить.

– Как долго я спал? – интересуюсь я, озираясь по сторонам, видя, что Яр тащит меня на волокуше по замерзшему руслу реки.

– Всю дорогу сюда, – уклончиво отвечает мой спаситель.

– А ты? – спрашиваю я, пытаюсь понять, куда это он меня притащил.

Яр хмыкает.

– А мне – без надобности. Иначе не ушли бы от твоих друзей.

При этих словах в груди остро кольнуло.

«Митяй! – думаю я. – Наверняка за нами послали карателей! Они нас не догнали или... – нехорошая догадка заставляет сердце прибавить обороты. Смотрю на закинутый за спину арбалет Яра, огромный топор, притороченный к поясу, и котомку, переброшенную через плечо, в которой сидит... Что же там сидит? Пытаюсь вспомнить наш последний разговор. Существо,

дарующее силу через кровь. Да, именно об этом и говорил Яр. Его брат. И что, он, с его помощью, перебил всех чистильщиков?!»

– За Митяя не волнуйся, он жив, – бурчит Яр, точно прочитав мои мысли. – У тебя будет шанс поквитаться с ним.

– Ты телепат? – задаю я вопрос в лоб.

Слышу глухие раскаты, точно вдалеке гремит гром. Понимаю, что Яр так смеётся.

– Нет, – хмыкает мутант, – догадаться нетрудно. Знаю, чего ты хочешь. Убить его.

– Всех, – поправляю я. – Колесникова, Митяя, Арсеньева, чистильщиков. Убивать всех мучительно и долго, чтобы почувствовали, как страшна смерть, когда ты ее не зовешь!

– Умерь свой пыл! – неожиданно рывкает Яр. – Там, куда мы идем, гордецов и, тем паче, мстителей, не любят. Избави тебя бог сказать это отцу-настоятелю!

– Ты живешь в монастыре?

– В обители, – отвечает Яр. – Месте, где спасают заблудшие души.

– И мою спасут? – пытаюсь я пошутить.

– Если он захочет! – глядя в небеса, гигант поднимает голову. – На всё его воля!

– А если... – начинаю я.

– Молчи! – отсекает меня Яр. – Молчи и думай, о чём ты будешь говорить с ним! От этого – жизнь твоя зависит.

Я открываю рот, пытаюсь возразить, но не решаюсь, услышав размеренные удары колокола...

* * *

Село Марково. Обитель при Церкви Казанской иконы Божией Матери

По двору монастыря, по расчищенной от снега дорожке, сломя голову несётся мальчик лет десяти. Вслед за ним бежит молодая женщина в наспех накинутом на плечи тулупе.

– Авдий! – кричит она. – Сына! Стой! Куда? Заругают!

Но пострел только прибавляет хода, направляясь к огромным, оббитым толстыми досками и железными листами воротам, возле которых уже собралась толпа из нескольких десятков человек. Мужчины, вооруженные копьями, топорами и мечами, женщины, в длинных до пят пышных юбках, а также несколько стариков, перестав что-то горячо обсуждать, поворачивают головы. Лица многих скрыты респираторами и самодельными тканевыми масками.

Мальчуган, подбежав к храмовникам, резко замедляется, скользит по натопанному снежному насту и едва не влетает в толпу. Но его успевают подхватить сутулая фигура, с ног до головы закутанная в серую накидку.

– Обожди, внучек, – слышится хриплый старушечий голос, – не время сейчас взапуски играть.

– Пустите! – сердится мальчишка, пытаюсь вырваться из цепких пальцев. – Я уже большой, мне можно!

По толпе катится неодобрительный ропот. Люди искоса глядят на сопляка. В этот момент к ним подбегает запыхавшаяся мать.

– Авдий! – выпаливает она. – Как ты посмел ослушаться меня?!

Женщина замахивается, намереваясь отвесить мальчишке подзатыльник, но её руку перехватывает старуха.

– Ксения! – неожиданно рывкает она. – Сколько раз тебе говорить, что это не метод!

Женщина, глядя на старуху и тщетно пытаюсь вырвать ладонь, обиженно тянет:

– Эльза, а как его ещё приструнить? Совсем от рук отбил, как... – женщина замолкает и, помедлив, добавляет: – муж погиб.

Старуха разжимает пальцы. Гладит мальчишку по голове.

– То моя вина была, не смогла выходить, не удержала.

– Не кори себя! – спешит ответить Ксения. – После того боя с летунами многих господь к себе призвал. Значит, такова его воля!

Эльза кивает, затем оборачивается, окидывает взглядом людей в притихшей толпе. В этот момент звонарь на колокольне, с криком: «Вижу их!» – ударяет в колокол. Над монастырём разносится печальный перезвон, эхом летящий по руслу Москвы-реки.

Эльза переводит взгляд на возвышающуюся, метрах в пятидесяти от неё, величественную церковь, построенную из красного кирпича, затем вздыхает и, бросив: «Я скоро приду», – направляется к церкви.

Люди смотрят ей вслед и тихо, так, чтобы Эльза не расслышала, вновь о чём-то возбуждённо переговариваются друг с другом...

* * *

Застыв на пороге храма, старуха мнётся, переступая с ноги на ногу, и, глубоко вдохнув, точно перед прыжком в омут, заходит внутрь. Пройдя с десятков шагов, Эльза замирает, видя, что на полу церкви, раскинув руки и что-то шепча, лежит отец-настоятель. Рядом с ним валяется деревянный посох – толстая, обожжённая до черноты, сучковатая палка, покрытая непонятными письменами, с грубо вырезанным навершием в виде креста. Скрипящему, как несмазанное колесо телеги, голосу старика вторит шипение развешанных по стенам нещадно коптящих масляных лампад, чей тусклый свет порождает смутные тени под высоченным сводчатым потолком.

Постояв с минуту, старуха, наконец, решается побеспокоить отца-настоятеля.

– Отче! – тихо произносит Эльза. – Прости мне дерзость мою!

Но священник, тихо повторяя слова молитвы, продолжает лежать, раскинув руки, точно пытаясь обнять кого-то невидимого.

Господь – Пастырь мой;

Я ни в чем не буду нуждаться:

Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего.

Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной;

Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня.

Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена.

Так, благодать и милость Твоя да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни...

Внезапно старик перестаёт молиться. В храме на несколько секунд воцаряется мёртвая тишина.

– Он говорил со мной, пока ты не пришла! – сердится священник, продолжая лежать на полу.

– Отче, – продолжает старуха, – его везут, надо подготовиться, время начина...

– Оставь пустое! – слышится в ответ. – Не о том думаешь, сестра!

Игумен, повернув голову, вперируется карими, поразительно ясными для его возраста глазами в лицо старухи.

– Ты тоже чувствуешь это? – спрашивает священник, начиная, кряхтя, вставать с пола.

– Уже скоро, – отвечает Эльза, быстро пройдя вперёд и поддерживая игумена за руку, – грядут перемены.

– Уверена? – хмурится отец-настоятель, опираясь на посох.

Эльза кивает.

– Помнишь, я как-то с тобой говорила, правильно ли мы тогда истолковали знаки? – старуха вопросительно смотрит на игумена.

– Ты истолковала, – поправляет священник, идя к выходу. – Я привык доверять тебе, твоему чутью!

Старуха улыбается.

– Не все так считают, ты же знаешь, что люди говорят меж собой, что это всё от лукавого.

– Не смей помянуть его имя в доме божьем! – злится священник, ударяя посохом об пол. – Не им решать, что богово, а что бисово! Мне! Ибо я их поводырь в этом мире, который они сами и загубили! Слепцы!

Опираясь на руку Эльзы, отец-настоятель выходит из храма, задирает голову и, прикрыв глаза ладонью, шурится от яркого солнца.

– Хороший знак, – шепчет игумен, – давно я такого светоча не видывал, давно... Ну, идём, сестра, – старик смотрит на Эльзу, – познакомишь меня с нашим, как я искренне надеюсь, новым братом.

Отец-настоятель и старуха, спустившись по длинной бетонной лестнице, направляются к толпе. Люди, склонив головы, расступаются. Священник останавливается перед воротами, поднимает руку, прислушиваясь к звукам, доносящимся с той стороны. Кажется, что собравшиеся перестали дышать, слыша характерный скрип, точно по снежному насту волочат что-то тяжелое.

– Отмыкай! – игумен машет рукой.

Пара дюжих мужиков, крикнув и поднатужившись, с трудом сдвигают примерзший за ночь засов, сделанный из бревна, и медленно, со скрипом, распахивают тяжеленные створки ворот.

Толпа подается вперед, жадно вглядываясь в искрящийся на морозе воздух. Люди видят, что по дороге, таща за собой привязанные верёвкой к поясу волокуши, на которых кто-то лежит, тяжело ступает Яр. Из рта гиганта, запахнутого в вывернутую мехом наружу накидку, клубами валит пар.

Заметив толпу, Яр приветственно машет рукой. Воин, поправив огромный арбалет, притороченный за спиной, и поудобнее перехватив котомку, переброшенную через плечо, продолжает идти по дороге, ведущей к обители.

В этот момент игумен чувствует, как его руку стискивают пальцы Эльзы. Старуха делает шаг вперед, но её отдергивает отец-настоятель.

– Не время сейчас, заинтересованность выказывать! – шипит он Эльзе на ухо. – Терпи и жди, люди сами должны решить, как его принять! Жить ему или умереть!

Эльза поворачивает голову, взволнованно смотрит на священника.

– Помни, о чём мы говорили! Помни! – шепчет игумен. – Да укрепится вера твоя!

Старуха кивает и начинает мысленно молиться:

«Господи! Спаси и сохрани его! Помоги ему! Дай сил и избавь нас от лукавого! Сергей, я знаю, ты слышишь меня. Тень!»

* * *

Крик Эльзы, одновременно далекий и такой близкий, врывается мне в голову. Я вижу, что Яр тащит меня в монастырь, больше напоминающий средневековую крепость. Высокие кирпичные стены с бойницами, вдоль которых кто-то вышагивает с луком за спиной, башня колокольни вздымается над куполами храма. Замечаю, что на площадке под звонницей мелькает пара силуэтов. Нас явно ждут. Готовятся. Причем, Яр тащит меня по дороге, обходя монастырь по дуге, словно показывая его мне.

«Если там запереться, то брать его придется только штурмом, – почему-то приходит мне на ум. – Интересное местечко. Что же там?» – мысль точно повисает в воздухе, едва я, до хруста повернув голову, замечаю, что меня, застыв в распахнутых воротах, встречает вооруженная холодным оружием толпа.

Время словно поворотилось вспять, разом отмотав назад пять или шесть столетий. Вижу мечников, копейщиков, арбалетчиков, несколько женщин в непонятных, точно сшитых в средневековые одеждах, даже одного ребенка, который указывает на меня пальцем. Надеюсь, что они не обсуждают, кому какая часть меня достанется на обед. Наш долбаный мир заставляет подозревать всех и каждого.

Потрошители приучили нас, там, в Убежище, что грань между зверем и человеком зыбка как утренний туман. Голод – страшное испытание. Тот, кто больше всех кричит и бьёт себя в грудь, что он скорее сдохнет, чем опустится до каннибализма – врёт. Особенно, когда от голода живот прирастает к спине, а ты начинаешь бредить, выплевывая на пол гнилые зубы. Обстоятельства бывают разные, уж поверьте мне. Я знаю...

Чем ближе толпа, чем сильнее у меня в груди стучит сердце. Колокол уже не звонит. Я различаю приглушённое дыхание людей. Внезапно к их тихому говору добавляется пронзительный свист, прилетевший откуда-то слева. В нескольких сотнях метрах от нас раздается размеренный гул и металлический стук. Пытаюсь понять, что это может быть. Грохот до боли знакомый, он кажется ирреальным в нашем мире. Внезапно меня осеняет. Я слышал эти звуки, когда сопляком, еще до Удара, смотрел какой-то старый черно-белый фильм про войну. Эти звуки может издавать только один механизм – паровоз.

Удивиться не успеваю. Толпа расступается, и Яр, дёрнув волокушу, затаскивает меня на двор монастыря. Ворота тут же закрывают. На меня смотрят десятки пар глаз. Взгляды цепкие, настороженные. Меня явно изучают, прощупывают, как барана на рынке. Кручу головой по сторонам. Люди одеты в странную одежду. Кто-то в длинные до пят накидки, кто-то в плотные стёганые бушлаты, обшитые металлическими пластинами и кольчужными кольцами. Бабы – все до одной в юбках. Лиц толком не разобрать из-за респираторов. В этот момент я ощущаю, как к руке прикасаются маленькие пальчики. Вижу мальчика. Он смотрит на меня широко распахнутыми глазами и произносит фразу, молотом вдарившую мне по мозгам:

– Господь услышал мои молитвы и послал нам тебя!

– Как тебя зовут? – спрашиваю я.

– Авдий, – называет он странное имя, и, подумав, мальчуган, заглядывая мне в глаза, с гордостью добавляет: – Служитель бога!

Я киваю, пересекаюсь взглядом с женщиной лет тридцати, настороженно глядящей на меня. В следующую секунду она бросается вперед и закрывает Авдия собой. Больше никто не подходит.

Я пытаюсь улыбнуться, но вовремя вспоминаю, что на мне противогаз.

Внезапно слышу голос Эльзы:

– Несите его в братский корпус. Ему нужен покой!

Я уже ничему не удивляюсь. Поворачиваю голову, вижу, как от толпы, точно тень, отделяется сгорбленная фигура в накидке. Старуха подходит ко мне. Кладёт руку на лоб. Заглядывает, сквозь линзы маски, в глаза.

– Вот мы и встретились, Тень. Теперь ты дома.

– Уверена? – пытаюсь я пошутить.

Старуха смеется, затем серьёзнее и отвечает:

– Это зависит от тебя! Думай о том, что будешь говорить!

Меня несут дальше. Ловлю на себе пронзительный взгляд. Скашиваю глаза. Вижу, что на меня смотрит старик, облачённый в рясу. Он стоит чуть поодаль от толпы, опираясь на посох. В отличие от остальных, лицо у него открыто. Глубоко посаженные, прищуренные глаза вни-

мательно следят за мной как два остро отточенных клинка. Так смотрит хищник, выбирая себе жертву в стаде. Невольно ёжусь под его взглядом. В голову, как вихрь, врываются вкрадчивые слова:

– Бог все видит, все знает, и взывает к тебе: «Восстань, избавившись от скверны, прозри, исполнившись волею моей и завершив круг бытия, умри, чтобы воскреснуть!»

Мне кажется, что я схожу с ума. Невольно повторяю слова незнакомца. Позабыв про толпу, я точно растворяюсь в себе, проваливаясь в бездну. Перед глазами мельтешит калейдоскоп из лиц. Я точно наблюдаю со стороны, как Яр бережно отвязывает меня от волокуши и, взяв на руки как младенца, заносит в длинное одноэтажное здание с наглухо замазанными глиной окнами. Мутант пронесит меня по коридору и, распахнув дверь, осторожно кладёт на деревянный пол. Вслед за ним в помещение входит Эльза, в сопровождении наголо стриженного здоровенного и чуть прихрамывающего парня.

– Данила, – говорит ему старуха, – будешь помогать мне. Раздень его.

Парень кивает. Снимает с меня противогаз, затем срезает одежду, которую уносит Яр. Вскоре здоровяк возвращается с огромной деревянной кадкой с водой, от которой валит пар. Эльза начинает меня медленно мыть.

– Тебе не впервой, – шучу я, ничуть не стесняясь наготы.

– Каким ты был доходягой, таким и остался! – ухмыляется Эльза, осторожно обтирая тряпкой с горячей водой раны на запястьях. – Кожа да кости, но лучше молчи, тебе вредно говорить, ты крови много потерял.

– Как вам удалось спасти меня? – решаюсь я спросить.

– Не мы! – рубит старуха. – Такова воля бога! Его и благодари!

– Что дальше? – меняю я тему разговора.

– Посмотрим, – уклончиво отвечает Эльза, – от тебя зависит. Тебе нужно набраться сил. То, что ты в обители, ещё не значит, что тебя приняли. Всё будет зависеть от разговора с настоятелем и мнения схода. Как они решат, так и будет.

– Тогда скажи, зачем я вам нужен? – упорствую я.

– Не бойсь, – скрипуче смеётся старуха. – Людей мы не жрем, и в жертву потрошителям тебя приносить не будем.

Я ловлю на себе любопытные взгляды Яра и Данилы.

– Но... – пытаюсь я возразить.

– Лучше молчи! Надоел! – злится Эльза. – Забыл, чему я тебя учила?

– Молчуны дольше живут, – отвечаю я.

– Ну, хоть это ты запомнил.

Эльза встаёт. Подходит к двери. Повернувшись, она бросает Яру и Даниле:

– Домойте его и в келью свободную, как условились. Напоите, накормите, к ранам мазь приложите, перевяжите. Я потом приду, пусть он хорошенько выспится.

– Сделаем, – бубнит Яр.

– В лучшем виде! – вворачивает Данила. По взгляду парня я вижу, что он хочет что-то у меня спросить, но не решается при старухе.

– А ты боль терпи, она скоро вернется, – говорит мне Эльза, – но ты выдержишь, тебе не впервой.

Старуха уходит. Данила снова открывает рот, но заметив, что Яр мотает головой, точно затыкается.

– После испросишь, – бубнит гигант, – не время сейчас вопросы задавать, имей терпение.

Данила кивает и, снова бросив на меня быстрый взгляд, помогает мутанту обтереть меня холщовой тряпкой.

* * *

Не прошло и часа, как меня, переодетого в чистое бельё, порядком захмелевшего от выпитого самогона, уложили на полаты, сбитые из грубо обструганных досок.

Келья – примерно три на два метра, куда меня определили, видимо, является наскоро возведенным пристроем к уже существующим нежилым комнатам. Наверное, меня не захотели подселать к остальным. Своеобразный карантин, только от болезни не телесной, а духовной.

Озираюсь по сторонам. На расстоянии вытянутой руки находится столик, на котором стоит глиняный кувшин, судя по терпкому запаху, с настойкой из трав и тарелка с нехитрой снедью. Одним словом – жить можно. Вот только как? Чувствую, как боль, тихо долбившая меня всё это время, разгорается с новой силой. Но она ничто по сравнению с тем, что у меня творится в душе. Ад – как он есть. Место, где я сам себя поджариваю на медленном огне, вспоминая, что произошло за эти дни. Вопль Машеньки все время стоит у меня в ушах. Хочется убежать, скрыться, только бы не видеть, как Митяй стреляет в нее, но картинка навечно отпечатана в мозгу как черно-белый негатив.

Тянусь за настойкой. Руки дрожат. Край кувшина стучит по зубам. Пью жадными глотками в надежде забыться. Горло обжигает огнем. Не знаю, как выпивка сочетается с учением о вере. Или, может быть, для меня сделали исключение? Честно говоря, мне все равно. Главное – результат.

Настойка действует даже слишком быстро. В голове все затуманивается, комната плывет перед глазами, веки тяжелеют. Ужасно хочется спать. Ловлю себя на мысли, что если кто подсматривает за мной, то на героя я совсем не тяну. Лысый, дрожащий от озноба измождённый доходяга, с лихорадочным блеском в глазах, взглянув в которые любому станет жутко, словно видишь саму смерть. Да, я многое пережил. Прошрое, будущее, настоящее. Все запутано и переплетено как клубок змей. Эта масса шевелится, шипит, поднимая уродливые плоские головы с раздвоенными язычками.

Твари смотрят на меня красными горящими глазами. Раззявленные, зубастые пасти все ближе. Я чувствую смрадное дыхание. Внезапно змеи поворачивают головы. Эти твари глухи, но видимо они чувствуют вибрацию, которая сотрясает здание. Грохот работающего двигателя. Слышу пронзительный свист. Выпускают пар? Почему-то, именно эта мысль приходит мне в голову. Да, эта обитель полна тайн. Под размеренный стук я засыпаю. Мне снится железная дорога. По ней движется мотодрезина с вооруженными людьми. Треск мотоциклетного движка разрывает мертвую тишину, повисшую над Климовском – страшным местом, где много лет назад я оказался в составе разведотряда чистильщиков...

Часть вторая

Лики мертвецов

Глава 4

Убивая страх

2016 год. Август. Утро. Климовск

На мотодрезине сидят четыре вооруженных до зубов бойца в ОЗК. Движок от «Урала» надрывно воет, распугивая стаи воронья. «Пионерка» тянет за собой прицеп с ещё тремя бойцами. Леденящий ветер хлещет им в лицо. Рельсы разматываются бесконечной лентой. Пальцы сжимают автоматы. Черные зрачки стволов шарят по сторонам. Чистильщики сидят пригнувшись, внимательно наблюдая, что происходит вокруг.

Август. Куда ни кинь взгляд, везде царит серая хмарь и грязь вперемешку со слякотью. Погода, типичная для поздней осени, когда, того и гляди, выпадет первый снег. Всё это – последствия Удара, которые природа-матушка будет долго ещё переваривать и не факт, что вообще когда-нибудь восстановится. Как говорят некоторые умники в Убежище: «Вот такое у нас теперь херовое лето, радуйтесь, что хоть не ядерная зима».

Вдоль железнодорожного пути стоят деревья с пожухлой листвой. Хмурые тучи, сквозь которые изредка проглядывает бледный солнечный диск, царапают косматыми телами раскисшую землю. Контуры зданий теряются в тумане.

– Командир! – почти орёт на ухо бойцу, держащему рукоятку рычага ручного тормоза, чистильщик в «хомяке».

– Чего тебе? – нехотя отвечает Винт, поворачивая голову.

– А мы что, опять «андроповку» шерстить будем или на дальняки? – продолжает парень, стараясь перекричать шум движка. – Чего вы там с Батей так долго перетирали?

– Тебе, Митяй, только языком чесать! – рявкает Винт. – Мало тебе в прошлый раз патронов перепало, опять по заводу пошататься хочешь?

– Мало не мало, – бурчит Митяй, – а лишка не помешает, с нашей-то работой.

– Работничек выискался! – хрипло бубнит третий чистильщик – рослый боец, сжимающий в руках РПК с дисковым магазином. – Набрал столько, что ящик поднять не смог, а звать, чтобы мы помогли, не стал, жмотяра!

– Иди ты, Седой, лесом! – обижается Митяй, оправляя ляжку «укорота». – Я же для всех старался, «пятерка», сам знаешь, в цене.

– Следи за языком, сопляк! – злится боец. – Моей «Анютке» только «семёру» подавай, – поглаживая ствол пулемёта добавляет Седой, – семьдесят пять братцев проголодались уже.

– И... правда... Винт, давай, колись, куда мы в этот раз? – канючит четвёртый боец, стараясь придать ломающемуся голосу взрослому хрипотцу. – На фермы?

– На Кудыкину гору, Парша! – злится Винт. – Дай, покажи, расскажи, как дети! Точно в первый раз! Как до складов доедем, узнаете.

– Нуу... – тянет чистильщик, словно подражая натужно ревущему движку, – если на фермы, то хоть снарягу можно будет снять, а то тащим на себе столько, точно на мародёров идем.

– В нашем деле патроны всегда пригодятся, – Винт окидывает взглядом сутулого бойца. – Подрастёшь, поймешь.

– Если доживёт! – вворачивает Митяй и начинает ржать.

– Тише ты там! – шикает на него Седой. – Нашел время лясы точить!

– Да одни мы здесь! – не унимается Митяй. – Места зачищенные. Только недавно точку проехали, ребята предупредили бы нас, если бы собирателей увидели. Тем более, мы так тарактим, что вся округа уже в курсе, что мы едем.

– Да заткнись ты уже! – Винт отвечает Митяю подзатыльник. – Прорвало что ли? Как Сухов раньше трюндишь! Или, после того, как он тебе по морде врезал, ты словоблудием от него заразился? Серёга, как вернулся с бабой этой, молчуном заделался, да и стреляет как никто другой, хоть и пацан ещё.

– Не мне он, а я ему! – ярится Митяй. – Если бы ты тогда меня не отдернул, он бы зубы свои с пола собирал!

Митяй поворачивает голову, смотрит на прицеп и, как бы невзначай, наставляет «укорот» на бойца со снайперской «мосинкой» в руках, сидящего к нему спиной. Тень, словно почувствовав, что в него целятся, медленно поворачивает голову. Сквозь линзы противогаза видны спокойные глаза. Ствол винтовки смещается левее. Секунда, одно неразличимое движение, и боец, крутанувшись на дощатом настиле прицепа, уже целится Митяю в голову. Два других чистильщика – один с СКС, а второй с АК-74 делают вид, что ничего не происходит.

– Тень! Митяй! – кричит Винт. – Чё, в солдатиков ещё не наигрались?!

– А мы и не играем! – эхом отзывается Сухов. – Ведь так?

– Поговори мне ещё, падла! – орет Митяй.

– Ша, щенки! – Винт приподнимается с сиденья, окидывая взглядом вынырнувшие из серо-белой дымки здания огромного складского комплекса. – Подъезжаем! – чистильщик поднимает руку, смотрит на прицеп. – Хлыщ! Курц! Тень! Готовсь! Тормозим!

Винт глушит двигатель и тянет рычаг ручного тормоза на себя. То же самое делает боец с СКС на прицепе. Колодки жалобно стонут, прижимаясь к колесным парам. Мотодрезина, дергаясь рывками, останавливается. Бойцы спрыгивают на землю. Рассредоточиваются. Не дожидаясь команды Винта, чистильщики берут на прицел складской комплекс и близлежащие дома. К Винту, пригибаясь, подходит Митяй.

– Командир! Чего мы здесь забыли, а? Место гиблое, точка впереди, мы же до Гривно еще не доехали.

Винт смотрит на Митяя. Не отвечая ему, чистильщик знаком руки подзывает к себе Хлыща и остальных бойцов. Чистильщики подбегают к нему.

– Как и договаривались, теперь дело за тобой, – обращается Винт к бойцу с карабином в руках. – Ты ведешь нас, мы идем следом!

Хлыщ кивает.

Ловя на себе недоумённые взгляды чистильщиков, Винт добавляет:

– Все вопросы потом. Проходим через склады, доходим до продуктового магазина, заходим внутрь, отдыхаем, там я объясняю суть операции. Усекли? Дрезину и тележку с путей убираем и прячем их между... вон... тех вагонов, – Винт вытягивает руку, указывая на обгоревшие цистерны, – не будут в глаза бросаться.

– А если собиратели придут и найдут? – удивляется один из бойцов, стискивая АК-74. – Ведь стырят, суки! Может, всё же до точки доедем, а оттуда пёхом?

– Опа, Курц заговорил! Прямо, речь толкнул! – лыбится Седой. – Со страху что ли? Только раньше времени не бзди, – подначивает парня Седой, – ты когда их последний раз видел-то?

– Ну... – тянет Курц.

– Харэ базарить! – рывкает Винт. – Взяли и понесли. Тень, Седой, прикрываете нас!

Бойцы, ухнув, хватают металлические трубы-поручни, приваренные по бокам рамы дрезины, поднимают «Пионерку» и, поднатужившись, тащат её за пути. Впереди них, метрах в десяти, осматривая дома в прицел, движется снайпер, замыкает отряд пулемётчик. Поставив дрезину за обгоревшие вагоны, чистильщики возвращаются и, уже гораздо быстрее, перетаскивают прицеп. Ставят тележку рядом с дрезиной. Винт садится на корточки рядом с «Пионеркой».

– Теперь, чуть приподнимите её с одной стороны!

Дождавшись, когда приказ выполнят, командир засовывает под колесо дрезины гранату с выдернутой чекой.

– Опускай! Медленно, черти! Да, вот так! – добавляет Винт, убедившись, что колесо прижало спусковой рычаг, а гранату вдавило в щебень. – Пускай теперь попробуют угнать! – чистильщик засыпает гранату гранитным отсеком. – Пошевеливаемся! Время! Идем, как всегда.

Бойцы кивают. Вытягиваются в цепь. Заходят за вагоны и ныряют друг за другом в дыру в заборе. Впереди идёт Хлыщ. За ним, метрах в тридцати, Винт, потом Тень, затем Митяй, Курц и Парша, замыкает группу Седой.

Чистильщики идут быстро, вдоль правой стороны широкого прохода, делящего складской комплекс на две части. Прижимаясь к стене длинного, вытянутого на несколько десятков метров ангара, бойцы, держа под прицелом левую часть комплекса, шарят стволами по плоской крыше сооружения и окнам офисов.

Винт не спускает глаз с Хлыща, внимательно следя за каждым движением разведчика. Внезапно боец замирает, явно во что-то вглядываясь, затем сгибает руку и резко опускает её ладонью вниз. Винт дублирует жест. Бойцы останавливаются, садятся на одно колено. Седой, развернувшись, целится из пулемёта в сторону забора, а Тень подбегает к командиру.

– Сухов, – обращается к снайперу Винт, – дуй к своему другану, узнай, чего он там мандражирует, мы прикрываем.

Тень кивает, срывается с места, пригибаясь, несется к разведчику.

– Чего увидел? – шепотом спрашивает снайпер у Хлыща.

Боец не отвечает, лишь тычет пальцем в затянутые серой дымкой городские здания.

– Туда посмотри, там что-то есть.

Тень садится, набрасывает ремень «мосинки» на локоть. Затем, упирая руку в левое колено, медленно водит стволом по домам, виднеющимся из-за забора.

Сердце стучит в груди. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Дыхание успокаивается. Ствол снайперской винтовки прилипает к окнам трёхэтажного дома, стоящего метрах в двухстах. Черный зрачок «мосинки» смещается левее. Сквозь прицел Сергей видит заброшенные здания, деревья с облетевшей пожухлой листвою. Ни движения, ни шороха, ничего. Лишь щемящее чувство незримой опасности, притаившейся где-то там, впереди...

– Пусто, – шепотом говорит Тень Хлыщу. – Даже птиц нет.

– Ты тоже это почувствовал? – неожиданно спрашивает Хлыщ.

– Что? – удивляется Сергей.

– Смерть! – рявкает разведчик. – Впереди только мёртвые! Они ждут нас... Чтоб Бате пусто было...

– Ты, о чем? – Тень кладёт руку на плечо Хлыща.

– Не бери в голову, – бубнит разведчик, – скажи Винту, что идём дальше. Нам надо торопиться, успеть, к ночи дойти до... – Хлыщ осекается, – до безопасного места.

Сергей, подумав про себя, что Хлыщ явно что-то скрывает, а таким дёрганым он его ещё ни разу не видел, поднимается и бежит к Винту.

– Наболтались? – спрашивает командир. – Чего он ссыт там?

– Нормально всё, говорит, можем идти дальше, – отвечает Сухов.

Сквозь линзы противогаса видны ледяные глаза Винта. Сергей невольно поёживается, замечая, что на него так же смотрят остальные чистильщики.

– Двигаемся! – приказывает Винт. – И так столько времени потеряли!

Чистильщик машет рукой. Отряд поднимается. Перейдя на бег, бойцы секунд через тридцать оказываются возле металлических ворот. Стараясь не шуметь, Хлыщ осторожно открывает вделанную в створку стальную калитку. Предательски скрипнув заржавленными петлями,

дверь отворяются наружу. Разведчик делает шаг вперёд. Стараясь особо не высовываться, Хлыщ смотрит направо.

Глаза разведчика скользят по улице, отмечая хорошо знакомые места, где до Удара, в мини-маркетах, шла бойкая торговля мобильниками, косметикой, а в лавках, больше напоминающих телефонные будки, наскоро заворачивали шаурму и куры-гриль. Хлыщ невольно облизывается. Заставив себя прогнать образы, разведчик наблюдает дальше, рассматривая мир сегодняшний.

Наскоро сварганенные из металла и обшитые сайдингом ларьки, с облезшей краской и покосившимися вывесками, сиротливо жмутся к проезжей части, где в хаотичном порядке застыли машины, стоящие на спущенных шинах.

Глаза человека останавливаются на «Газели», маршрутке с номером «1», развёрнутой посередине улицы. За мутными стёклами виднеются лица мертвецов. Высохшие тела обтянуты серым пергаментом истлевшей кожи. Черепа, с остатками волос и похожие на кукольные головы, взирают пустыми глазницами из небытия на живых, дерзнувших нарушить их покой.

«С прошлого раза ничего не изменилось, – думает разведчик. – Это хорошо. Мертвые к мертвым».

Хлыщ поворачивает голову, кивает Винту. Командир, придерживая дверь, командует:

– Тень, дёргаешь до магазина в паре с Хлыщом! Проверяете. Если все чисто, сидите и не рыпаетесь. Ждёте, когда прибегут Митяй и Парша. Курц и Седой идут за ними. Я замыкающий.

Дважды говорить не приходится. Бойцы действуют как хорошо отлаженный часовой механизм. Короткая пробежка. Поворот за угол. Перед глазами возникает прямоугольное здание с разбитыми витринными окнами и покосившейся, звучащей как издёвка, надписью «Свежие продукты. 24 часа». Тень несётся за Хлыщом. Разведчик добегают до магазина. Приставив приклад СКС к плечу, боец, поднявшись по ступенькам, осторожно заходит в помещение.

Шаг, второй, третий. Под ногами трещит битое стекло. Разведчик внезапно останавливается, застыв в нерешительности перед пустыми полками.

– Хлыщ, ты чего? – стараясь придать голосу твёрдость, спрашивает Сухов, сжимая винтовку.

– Там кто-то есть, – шепчет разведчик, – за стеллажами, у дальней стены.

– Уверен? – Сергей забрасывает «мосинку» за спину и достаёт из кобуры ПМ.

– Отставить! – шипит чистильщик. – Дуй на улицу, предупреди остальных. Винт сам решит, что делать.

Сухов кивает. Стараясь не наступать на разбитое стекло, он медленно выходит наружу. Заметив краем глаза движение справа, Сергей резко поворачивает голову. В ту же секунду на плечо ложится тяжелая рука Винта.

– Где Хлыщ?

– Внутри.

– Увидел, чего там?

– Угу, – кивает Сергей, – говорит, кто-то за стеллажами ныкается. Сам остался, меня к вам послал и...

С языка Сухова едва не слетает вопрос Винту: «А ты чего здесь делаешь, если думал последним бежать?», но, поймав бешеный взгляд командира, не решается.

Тем временем Винт, отпустив Сергея, поднимает руку и сжимает растопыренные пальцы в кулак. Слышится топот ног. Бойцы отряда, двойками, быстро перебежав через улицу, группируются возле входа в магазин.

– Седой, Тень, остаётесь здесь, – приказывает Винт, – Митяй, Курц за мной. Парша, дуешь за магазин. Сечёшь за пандусом. Если кто, кроме нас, высунется, вали. Понял?

Боец кивает. Забежав за угол здания, Парша прячется в кусты. Стараясь унять дрожь в руках, раздвинув ветки, чистильщик целится из «ублюдка» в створки сдвижных ворот.

Остальные бойцы разбиваются на группы. Держа оружие наготове, трое чистильщиков заходят в магазин и исчезают из вида.

– Чего вы там увидели? – спрашивает пулеметчик у Сухова. – Или Хлыщ опять перебрел?

– Не знаю, – Сергей наблюдает через прицел снайперской винтовки за улицей, – чует он чего-то. Ничего мне не сказал, но с самого утра какой-то шальной.

– А ты? – Седой шарит стволом РПК по окнам домов.

– Так... – уклончиво отвечает Сухов, – думки всякие в голову лезут, а что точно, не пойму. Может быть, собиратели приходили?

– Сюда? – удивляется боец. – Они наглые, но не тупые. Все знают, что это – наши места. Ты же помнишь, когда мы в прошлый раз до «фермеров» ходили, чего отряд Фирса с пойманным на посёлке мародёром сделал?

При этих словах Сергей невольно ёжится, вспомнив, как месяц назад он присутствовал при показательной казни вора, взятого с поличным на краже заготовленных в одной из дальних деревень грибов. С мародёра сняли ОЗК и, раздев до гола, примотали проволокой к забору, оставив так на ночь. Сухову кажется, что отчаянный крик разрываемого голодными псами на части собирателя до сих пор стоит у него в ушах. Обглоданный костяк так и оставили там, в назидание остальным.

– Помню, – кивает Сергей, – такое не забудешь.

– А то! – лыбится Седой. – Туда ему и дорога!

В этот момент в магазине грохает выстрел, раздаётся отчаянный визг, который обрывает второй выстрел, затем доносится перебранка.

– Хлыщ, какого хрена?! – ругается Винт. – Совсем нюх потерял?! Собаку от человека отличить не можешь?!

– Дык, – начинает разведчик.

– Что дык, пык? – передразнивает Винт. – А когда на точку придём, ты от тени своей шарахаться будешь?

Слышатся шаги, в дверном проёме показывается Винт. Чистильщик знаком руки подзывает к себе Сергея.

Сухов нехотя поднимается.

– А ты, в рот тебе ноги, куда смотрел?! – злится Винт. – Ну ладно, Хлыщ, ещё тот пере-страховщик, а ты, что, опять захотел дерьмо лопатами кидать?! Забыл, чему я тебя учил?!

Сергей, обтекая как школьник, не выучивший урок, глядя вниз, молчит. Остальные разведчики смотрят на Тень, который внезапно для себя снова почувствовал себя тем пацаном, который едва не обделался, полгода назад выходя на поверхность, с отрядом таких же, как и он, смертников.

– Молчишь? – спрашивает Винт. – Ну и молчи, вояка! Заходим!

Седой и прибежавший, едва услышав выстрелы, Парша выполняют приказ, быстро ныряя в черноту торгового зала.

* * *

Магазин. Склад. Пять минут спустя

– Так, ханурики, – говорит Винт, окидывая взглядом ржущих над анекдотом бойцов, сгрудившихся возле прямоугольного стола, – задача у нас простая. Дойти до «Гудка» и выяснить, что случилось с отрядом Фирса.

В помещении тотчас повисает звенящая тишина, которую нарушает возглас Митяя:

– Бля! Это мы чё, за «квадратами» попремся?! – чистильщик подается вперед. – В самую жопу лезть? Они же неделю назад как ушли, и всё, как отрезало, чего там теперь искать? Это же дохлый номер!

– А ты хайло-то своё прикрой! – взрывается Винт. – Это приказ Бати! За неисполнение к стенке! Понял?

– Погодь, командир! – в разговор вступает Седой. – Ты растолкуй, чего вы там придумали. Узнали, чего нового? Ведь из этой части ещё никто живым не возвращался. Даже собиратели стороной её обходят, а разжиться там есть чем!

– Вот поэтому мы и идём туда, – продолжает Винт, – сами подумайте. С момента Удара часть никто как следует не шмонал. А кто близко к ней подходил, знает, что до сих пор даже антенны целые стоят. Значит «Гудок» не накрыло, а там и оружие, и техника, и горючка есть. Да мало ли чего ещё, одно слово – часть ОсНаз ГРУ!

– Так это и странно, что она целая осталась! – кипятится Митяй. – Чего её бомбами не закидали, а?! Ведь это радиоразведка. По идее, воронка должна быть, и пеплом присыпано, чем же её таким загасили, что даже подойти нельзя ближе, чем на сотню метров, а кто зашел, тому пизда!

– Вот мы и узнаем! – рывкает Винт, грохая кулаком по столу.

– С чего это вдруг? – спрашивает Седой. – Сгинем как остальные. А потом новый отряд пошлют? Так резерва не напасёшься. Отряд Жука первым был и сгинул. Потом Парамон с Махрой ходили, помнишь, какими их нашли? А они даже внутрь не зашли, по периметру целый день шастали, – чистильщик повышает голос. – Да лучше бы они сдохли, чем потом под себя мочиться и слюни в маску пускать. Им точно мозги выжгло. Хуже старичья стали! Теперь Фирс пропал. А «квадратам» палец в рот не клади, вмиг руку схарчат. Сам знаешь, ребята не простые, кровь пустить не бояться, а нужно, и кишки на кулак наматывают.

Седой сверлит взглядом Винта.

– Командир, ты знаешь, мы работы не боимся. Будь там люди или звери, часть давно бы наша стала, а так, незнамо с какой хреню тягаться, хуже не придумаешь.

– Ты всё сказал? – цедит Винт сквозь переговорную мембрану. – Мы чистильщики или трепло?! О брюхе думать будем или приказ выполнять? – командир задумывается. Зло глянув на Седого, Винт выпаливает:

– Хорошо тебе Зинка мозги проела, если ты в проклятья верить стал!

– А ты мою бабу не трожь! – Седой стискивает рукоятку РПК. – Со мной напрямки толкуй! На вопросы отвечай!

– У нас козырь есть, – нехотя говорит Винт, – не подохнем.

– Какой? – вворачивает Парша.

Винт переводит взгляд на Хлыща. Разведчик дёргается, словно очнувшись от сна. Затем говорит:

– Я там срочку служил, часть и места все, хорошо знаю.

– И?.. – тянет Митяй. – Тоже мне новость! Об этом все в Убежище знают, с кем ты бухал!

– Смогу провести и вывести, – не обращая внимания на подначку, продолжает разведчик, – но для тебя сделаю исключение.

Митяй нервно смеётся.

– Чёт ты заговариваться стал! По зубам давно не получал?

– Да пошёл ты, сопляк!

– Сам, говно, иди! – Митяй делает шаг вперёд, сжимая кулак.

– Ша! – ярится Винт, пихая Митяя в плечо. – Задолбали уже! Как пацанва в песочнице. Мое, не мое. Я первый пришел, ты последний. У меня больше. У тебя меньше. Каждый раз одно и то же, а сегодня, как с цепи сорвались!

Митяй и Хлыщ нехотя расходятся.

– Угомонились, воины? – Винт зыркает по сторонам. – Тогда продолжим. Вопросы по существу есть?

– А что толку, что Хлыщ сможет нас провести, мы же не знаем, что за жопа там творится, почему дохнут все? – цедит Седой.

– Не дохнут, – тихо говорит Винт. Чистильщики поворачивают головы, недоумённо глядя на командира. – Точнее не сразу, – продолжает Винт, – у нас радиообмен с «квадратами» состоялся, пару дней назад, – чистильщик делает ударение на последнем слове. – Так вот, ребята, по крайней мере один живой был, вроде как ранен. Это значит, что пять дней они продержались в части.

– И чего он сказал? – спрашивает Митяй.

– Мы толком не разобрали, – отвечает Винт, – помехи сильные, но по голосу Лося опознали, он бубнил.

– Значит Костян жив? – Тень смотрит в глаза Винту.

– Да, жив твой друган, по крайней мере, пару дней назад ещё балаболлил.

– Что, совсем ничего толкового не сказал? – упорствует Митяй.

– Неа, – крутит головой Винт, – обрывки одни. Хрен просышь, чего плёл.

В этот момент Тень, всё это время внимательно следивший за странными переглядками между Винтом и Хлыщом, замечает, что разведчик, на последних словах командира, невольно стискивает приклад СКС.

«Темнят они чего-то, – думает Сергей, – не договаривают. А Винт, так точно какую-то игру ведёт. Выведет, не выведет. И нашим, и вашим. Перед Батей выслужиться хочет?»

Сухов оборачивается, незаметно окидывает взглядом ребят. Чувствуя необъяснимую тревогу, Сергей, словно издалека, слышит слова Винта:

– План такой – подходим к части как можно ближе, разбиваемся на двойки. Первая заходит, остальные прикрывают. Держим радиообмен. Если все нормально, то заходит вторая двойка. Первая идёт дальше. Цель – казармы и склады. Вторые наблюдают за ней. Если что не так, трое, оставшихся снаружи, вытаскивают остальных. Вопросы?

– Слишком гладко все как-то, – усмехается Седой, – а кто прикроет тех, кто за периметром остался? Где резерв? Мы же в открытую прём, а если с тыла обойдут?

– Кто? – удивляется до сих пор молчавший Курц, недоумённо глядя на пулеметчика.

– Кто, кто? Дед Пихто! – харкает Седой. – Бля! – злится пулемётчик, – понабрали, как по объявлению, – одних сучат, учи вас теперь! Пару операций провернули, и всё, спецназерами заделались?

– Михаил! – рявкает Винт. – Рот закрой!

– Да пошли вы все! – чистильщик, перехватив РПК, подходит к двери. Оборачивается. – Моё дело простое – тылы прикрывать, тем и займусь.

Седой выходит наружу, нарочно громко ступая по разбросанному на полу битому стеклу.

Сухов провожает его взглядом.

«Если это только начало, то что будет, когда мы подойдём к «Гудку»? – думает Сергей. – Что за фигня с нами творится? Мы уже готовы глотки друг другу порвать. Точно подначивает кто».

Нехорошее предчувствие пудовым камнем шевельнулось в душе Тени. Сергей разом вспомнил всё то, что слышал о странной части в Убежище. Слухи ходили разные. Кто говорил, что «Гудок» обработали биологическим оружием. От чего, все, кто там были, умерли спустя несколько часов.

Другие укрываемые до хрипоты доказывали, что сами видели, как над частью что-то взорвалось и территорию засыпало серебристой пылью, при контакте с которой люди харкали кровью и падали замертво. На вопрос, как они смогли это увидеть и остаться в живых, люди

уклончиво отвечали, что слышали это от других и вообще, поражение локальное, а если не заходить внутрь периметра, ничего страшного не произойдёт.

Третьи – самая малая группа, боясь прослыть сумасшедшими, в разговоре за чекушкой, втихаря припрятанной от продотряда, шепотом говорили, что «Гудок» проклят и теперь это обитель заблудших душ. Поэтому там и творится всякая чертовщина, пропадают люди, а по ночам, если близко подойти, можно услышать голоса призраков, стенающих о своей нелёгкой доли – быть неуспокоенными и обречёнными вечно скитаться между двух миров – мёртвых и живых.

Но в одном все сходились – живым там делать нечего. Одно слово – чертово место, нечистое.

Сухов не верил в эти рассказы, считая их выдумками и сказками. По словам Эльзы, с которой он однажды решил поговорить на эту тему, в нём говорил юношеский максимализм и отсутствие чувства самосохранения, свойственного взрослому, понимающему, что такие слухи на ровном месте не возникают.

Тогда Сергей не придавал значения словам Эльзы, считая, что это – её очередная причуда, но сейчас, когда выяснилась цель вылазки, Сухов задумался над словами женщины, которой он привык доверять.

Мысли промелькнули и прошли. Сергей, словно вынырнув из забытья, слышит окрик Винта.

– Тень! Сухов! Твою мать! Уснул ты что ли?

Сергей вздрагивает.

– Нет, задумался.

– Ну-ну, – лыбится Митяй, – главное, чтобы ты в бою не тормозил.

– Отставить! – рявкает Винт. – Выдвигаемся!

Бойцы выходят на улицу. Хлыщ, нарочно замешкавшись и дождавшись, когда затихнут звуки шагов по стеклу, берёт Винта за плечо.

– Почему ты им всё не рассказал, а?! Они должны знать правду.

– Правду? – удивляется командир. – А какую правду я им должен рассказать? У нас есть приказ и фора перед другими группами. Шансы есть. Это всё, что они должны знать! Пошел!

Хлыщ кивает, делает шаг и точно растворяется в сгустившейся в магазине темени. Винт идёт за ним, думая про себя, что сказали бы ребята, узнав, что Лось, при радиообмене, произнёс всего две фразы: «Спасите себя. Убейте всех...»

Глава 5

Тварь

Климовск. Полчаса спустя

По улице Школьная, петляющей между кирпичными и панельными пятиэтажками, медленно идёт вооруженный человек в ОЗК и противогазе. Заходящее солнце, точно прибитое к низкому небосводу, царапает тусклыми лучами крыши домов. Хлыщ держит наготове СКС. Иногда останавливается, прислушивается к звукам мёртвого города, стараясь уловить хоть что-нибудь, кроме своего приглушенного дыхания. Тщетно. Ни стрекота птиц, ни отдалённого собачьего лая. Словно, чем ближе чистильщики подходят к части, тем мертвеннее всё становится вокруг.

Метрах в пятидесяти от Хлыща, прижимаясь к стенам домов, под чахлым прикрытием в виде иссохших деревьев, движется отряд из шести чистильщиков. Первым идёт Тень, за ним Винт, потом Митяй, Парша и Курц. Седой замыкающий.

Бойцы шарят стволами по окнам, готовые каждую секунду огрызнуться свинцовым дождём по противнику. Если Хлыщ замирает, то чистильщики останавливаются, ждут, пока Тень наблюдает за разведчиком и окрестностями в снайперский прицел. Когда это происходит в третий раз за десять минут, к Сергею, пригибаясь, подходит Винт.

– Видно, чего? – шепотом спрашивает командир.

– Чисто всё, – отвечает Тень, рассматривая показавшуюся из-за поворота дороги водонапорную башню и застывший чуть дальше хмурый лес.

– Сверху тоже никого?

– Пусто, – Сергей чуть смещает винтовку, – на крышах тоже, даже листья нетронутые лежат.

– Хорошо, продолжай наблюдать, – говорит Винт, отходя к бойцам.

Отряд терпеливо ждет, пока Хлыщ снова продолжит движение. Вскоре разведчик подходит к кирпичному строению, огороженному бетонным забором, поверх которого натянута колючая проволока.

Пройдя вдоль ограждения, Хлыщ останавливается возле сорванных с петель въездных ворот. Не высываясь из-за створок, разведчик достаёт из рюкзака проволочную рамку, закрепляет в ней небольшое зеркальце и, вытянув руку, долго смотрит в отражение в стекле. Секунд через тридцать Хлыщ убирает приспособу. Выйдя на дорогу, разведчик машет рукой.

– Винт, – говорит Тень, оторвавшись от оптического прицела, – Хлыщ говорит все на сбор.

– Вижу, выдвигаемся! – бросает Винт стоящим позади него ребятам. – Митяй, Курц, вы первые. Парша, Седой за ними по моей команде. Мы с Тенью прикрываем. Потом вы нас.

Бойцы кивают. Митяй с Курцем срываются с места. Пригибаясь, он бегут к Хлыщу.

– Пасёшь их? – спрашивает Винт Сергея.

– Угу, – мычит Сухов, – контролирую.

Чистильщики добегают до Хлыща. Рассредоточиваются, держа на прицеле дорогу и лесной массив.

– Пошли! – приказывает Винт Седому и Парше, видя, что первая двойка добежала до точки.

Пулемётчик с парнем несутся по дороге, стараясь оставаться под прикрытием деревьев.

Убедившись, что бойцы держат под перекрёстным огнём четыре стороны, а Хлыщ стоит возле ворот, Винт, посмотрев на Сергея, говорит:

– Наш черёд, готов?

Тень, стараясь не подать вида, что он волнуется, кивает.

– Тогда вперёд!

Мир, рванув навстречу, суживается до размеров противогазных линз. Тяжело дыша, бойцы подбегают к забору. Винт, приказав Сухову выдвинуться по дороге вперёд метров на тридцать, быстрым шагом подходит к Хлыщу.

– Докладывай! – шипит чистильщик.

– Всё чисто, командир, – Хлыщ зыркает по сторонам, – можем заходить на точку.

Замечая, что глаза разведчика бегают из стороны в сторону, Винт спрашивает:

– А чего бздишь, раз чисто? Ты же с самого утра сам не свой! Опять чуйка твоя покоя не дает?

– В прошлый раз, – начинает Хлыщ, – она нас всех спасла. Лучше перебдеть, чем недобдеть. Ведь так, командир?

Пропустив слова мимо ушей, Винт продолжает:

– Тогда заходим! Нечего здесь отсвечивать! Мы уже к части должны подходить, а все здесь топчемся. Весь график к черту пошел!

– А ты не торопись, командир, – Хлыщ лыбится, – на тот свет мы всегда успеем, а мне ещё на этом погулять охота. Нам бы лес пройти и Сертякино, сам знаешь места какие. Чертовщина одна.

– Хоженные да неизведанные, – натужно отшучивается Винт.

– Во, во, – добавляет Хлыщ, – сам все сказал. В прошлый раз мы едва ноги отсюда унесли, а к «Гудку» так и не подошли.

– Ну, долго вы ещё фигнёй маяться будете? – рявкает, подойдя к Хлыщу и Винту, Седой. – Как целки, чесслово. Буду, не буду. Туда, не туда. Погнали! Фильтры не вечные.

– А ты язык-то придержи! – цедит Винт. – Давно крутым заделался?! – задумавшись, чистильщик внезапно добавляет: – Падла!

– В жопу, умник, иди! – харкает Седой. – Здесь тебе не перед Батей на цырлах стоять!

Видя, что чистильщики сцепились не на шутку, а Митяй, Парша и Курц и не думают их разнимать, Сергей, плюнув на приказ, прибежав с фишки, вмешивается в спор.

– Винт! – Сухов встаёт между Седым и командиром и, сам не ожидая от себя такой смелости, выпаливает:

– Харэ глотки драть! Задолбали сучиться!

Седой и Винт, опешив, смотрят на Сергея. Командир сжимает кулак, но, точно передумав бить Сухова, разражается хохотом.

Седой, тоже заржав, отвечает Сергею подзатыльник. Повернувшись, он быстрым шагом подходит к створке ворот. Входит внутрь периметра. Пробегает метров двадцать. Останавливается перед входом в приземистое кирпичное здание с надписью: «Цех деревообработки». Входит через дверной проём внутрь. Кинув взгляд влево и вправо, Седой замечает, что с момента последней вылазки в цеху произошли изменения.

Вдоль станков и верстаков, по заляпанному грязью полу, от входа в дальней стене тянется цепочка следов. Судя по размерам и форме, сразу и не понять, кто их оставил – огромная собака или странное существо, с длинными передними лапами, напоминающими чудовищно гипертрофированные человеческие руки с острыми когтями.

Снаружи доносится топот ног. В цех забегают остальные чистильщики. Винт, посмотрев налево, тихо присвистнув, говорит:

– Вот суки, смотрите, поддоны спёрли.

Чистильщики смотрят в пустой угол, где раньше лежали сложенные в ряд паллеты.

– Да, – тянет Хлыщ, – плакал наш костерок.

– Ты лучше сюда глянь, – Седой вытягивает руку, указывая на странные следы. – Хорош подарок? Что это за хрень?

– Не знаю, – отвечает Хлыщ, – тварь какая-то.

– Собака? – спрашивает Курц.

– Нет, – мотает головой разведчик, – что-то другое, никогда не видел таких следов. Может быть, двери на всякий случай заперём?

– И выход себе перекрыть? – отрезает Винт. – Ты лучше скажи, почему снаружи, во дворе, следов нет, а здесь всё истоптано?

– Через забор перепрыгнула? – предлагает Митяй.

– Через забор? – Хлыщ тихо смеётся. – Ты ещё скажи, по воздуху перелетела! Там метра три высота, и колючая проволока поверху намотана. Умник!

– Шшш! – Винт машет рукой вперёд. – Проверяем точку, может, найдем чего. Седой! Остаёшься на выходе. Держишь тыл! Остальные! Бдим! Проверяем всё! Помним, что тварь ещё может быть здесь!

Чистильщики, включив фонари, рассредоточившись, идут полукругом по цеху. Шаг, остановка. Стволы рыскают по углам. Бойцы заглядывают под станки. Открывают шкафы, в которых рабочие когда-то хранили одежду и личные вещи.

Гулкое эхо шагов отражается от стен. В этой части цеха особенно темно. К мраку при- мешивается страх. Кажется, что за каждым станком таится враг или тварь, которая хочет вце- питься тебе в глотку.

«Что за фигня с нами творится? – думает Сухов, медленно продвигаясь к дальней стене. – Ещё немного и палить друг в друга начнем. Точно под руку кто пихает. Неспроста Сертякино «Чертякино» зовут. Гиблое место».

Внезапно внимание Сергея привлекают бурые пятна на деревянной столешнице. Подняв руку, Тень останавливается. К нему подходят остальные чистильщики.

– Смотрите, – шепчет Сергей, – вроде на кровь похоже.

Хлыщ наклоняется. Осматривает стол со всех сторон, затем проводит пальцем в перчатке по поверхности, подносит руку к глазам. Растерев жидкость, разведчик поворачивает голову.

– Кровь, – произносит Хлыщ, – и довольно свежая.

– Что, кто-то плюнул на стол? – удивляется Винт. – На полу ничего нет кроме собачьих или чьих там следов.

– Пока не знаю, – отвечает Хлыщ.

Разведчик обходит стол по кругу. Сквозь противогазный фильтр слышится тихий мат.

– Твою-то за ногу, что это за хрень?

Винт порывается подойти к Хлыщу, но разведчик останавливает его знаком руки.

– Стой, где стоишь, а то следы затопчешь!

Нервозность Хлыща передаётся остальным. Чистильщики озираются по сторонам, пальцы поглаживают спусковые крючки оружия.

– Что же ты такое? – говорит сам с собой Хлыщ. – Что за тварь такая?

Разведчик отходит от стола, подходит к стене, ведя по ней рукой.

– Посветите мне! – приказывает Хлыщ. – Ни черта не вижу!

Слышится щелчок. Помещение озаряет яркий свет мощного светодиодного фонаря Винта, приберегаемого им на всякий случай.

– Сюда свети, – продолжает разведчик, – под потолок!

Луч поднимается выше, выхватывая из тьмы куски стены с осыпавшейся штукатуркой. Раздаётся тихий свист.

– Ни... хера себе! – Митяй подаётся вперёд. – Что это такое?!

Чистильщики подходят к стене. Они видят, что под потолком виднеются четыре длинных глубоких царапины, словно кто-то резко, точно вилами, провёл по поверхности.

– Ого! – восклицает Винт. – Знатная волчара!

– Это не волк и не собака, – шипит Хлыщ, внимательно осматривая следы, – это что-то другое.

– Медведь? – испуганно вворачивает Парша, вцепившись в рукоятку «ублюдка».

Хлыщ мотает головой.

– На полу только следы этой твари, других нет. Видимо, когда она проходила рядом со столом, её ранили. Может, пальнули в башку, но задели лишь чиркачём. Поэтому и кровь только на столешнице. Затем, – Хлыщ вертит головой по сторонам, – она зачем-то встала на задние лапы, видите, – разведчик показывает на борозды от когтей на полу, – и, вытянувшись, провела передними лапами, или... – Хлыщ задумывается, – даже руками, по стене. Поэтому и следы такие странные, словно махнули чем-то острым.

– Руками? – переспрашивает Винт. – Ты серьёзно?

– Да он разводит нас как салаг! – кипит Митяй. – На слабо берёт. Это прикол такой, да?

Хлыщ внимательно смотрит на чистильщиков, затем переводит взгляд на Сухова. Сергею становится не по себе, едва он вспоминает, что несколько месяцев назад, когда он с Эльзой уходил из Северово, они оставили в селе странную волчицу, готовую принести приплод. Эльза тогда ещё назвала её волкособом. И сейчас, Сергей почему-то подумал, что эта необычная тварь – мутант, потомок Даны.

– Я не так сказал, – голос Хлыща, словно из тумана, долетает до Сергея, – не руки в смысле как у человека, а лапы, похожие на руки.

– Как у оборотня? – дрожащим голосом уточняет Парша.

Хлыщ жмёт плечами.

– Типа.

– А куда оно делось? – Парша испуганно озирается по сторонам.

– Мы ещё не весь цех обшарили, – понизив голос, отвечает Хлыщ, – здесь ещё чердак есть, и в дальний конец пройти надо, – разведчик машет рукой в самую тёмную часть здания. – Там мы обычно располагаемся на отдых и перекус. Там же и костёр палим. Там и выход ещё один есть. Точнее ворота для вывоза продукции.

– Так, бойцы! – командует Винт. – Выдвигаемся по двое! Смотреть в оба! В огневой контакт без особой нужды не вступать!

Чистильщики выстраиваются в цепь. Сухов идёт в паре с Хлыщом по центру. Винт и Митяй двигаются по правой стороне. Курц и Парша крадутся слева.

Кажется, что в звенящей тишине, повисшей в цеху, слышно, как колотятся сердца людей. Толстый слой грязи и пожухлая листва, наметённая сквозь разбитые окна, скрадывают звуки шагов. Лишь ветер свистит где-то под крышей, тихо завывая в балках перекрытия.

Лучи фонарей выхватывают из сумрака отдельные детали цеха, которые складываются в единую картину. Судя по перевёрнутым столам, разбитым станкам и сорванным со стен полкам, в этой части мастерских побывали мародёры. Не найдя, чем поживиться, они тупо выместили злость на оборудовании, поломав, что смогли. А вот дальше почему-то не пошли.

Чистильщики, внимательно наблюдая за каждым движением Хлыща, идут вперёд. Разведчик, сделав знак остальным остановиться, подходит к двери, ведущей в цех готовых изделий, затем поворачивает голову, машет. К разведчику подходит Винт.

– Гляди, знатно намолотили!

Хлыщ проводит рукой по изрешечённой пулевыми отверстиями двери.

– Из автомата палили, – говорит Винт, – причем очередями и во все стороны, смотри, как пули легли, веером. Что за хрень здесь творилась, а?

– Надо войти и проверить, – отвечает Хлыщ, – чего гадать?

– А если... – Винт, понизив голос до шёпота, кивает в сторону помещения, – там сидит кто?

Хлыщ мотает головой.

– Поверь мне, – разведчик сверкает глазами, – живых там нет. А если кто и есть, то только жмурики, нам ли их бояться?

– Тебе виднее, – усмехается Винт, – но, если что, прикроем. – Черти! – чистильщик поворачивает голову. – Готовсь! Валить всё, что оттуда покажется! Ты! – палец упирается в грудь Митяя. – Держишь, светишь по моей команде, – Винт передаёт бойцу фонарь, – и только попробуй его сломать!

Хлыщ, видя, что бойцы приготовились и держат дверь на прицелах, взявшись за ручку, плавно поворачивает её. Двинув стволом СКС в дверь так, чтобы она резко распахнулась, разведчик рывком уходит с линии огня, прижавшись спиной к стене.

Пять пар глаз жадно вглядываются во тьму, царящую в помещении. Ни шороха, ни звука. Винт знаком руки приказывает Митяю осветить фонарём в проём.

Яркий луч выхватывает куски цеха. Видны длинные пустые стеллажи, тянущиеся по левой стороне, несколько металлических столов и направляющая балка под потолком, по которой в своё время перемещалась таль.

Винт, целясь из АК-74М, медленно подходит к двери. Вглядывается в сумрак.

– Хлыщ, входись за мной. Сухов, – обращается Винт к Сергею, – отходишь к окну и держишь под прицелом выход. Если кто выскочит кроме нас, палишь без предупреждения. Понял?

Сухов кивает.

– Остальные, – Винт оборачивается, – приготовиться! Ждать моей команды!

Убедившись, что ребята целятся в проём, Винт заходит внутрь помещения. Хлыщ следует за ним.

Секунды кажутся вечностью. Пальцы чистильщиков, оставшихся снаружи, до хруста в костяшках сжимают рукоятки оружия. Бойцы внимательно следят, как луч налобного фонаря мечется по стенам. Из помещения доносится шорох, затем слышится чертыханье и вскоре Винт кричит:

– Чисто! Заходим!

Бойцы срываются с места, забегают в цех. Замерев по приказу Винта, чистильщики озираются по сторонам.

– Опа! – восклицает Митяй, светя фонарём и заметив следы от пулевых отверстий на стенах, а на полу лужу крови. – Сколько натекло! Откуда?

– А ты вверх глянь, – говорит Хлыщ.

Бойцы поднимают головы. Чистильщики видят, что с потолка, сквозь щели между досок, сочится алая капель.

– Что там? – отходя на всякий случай к стене, спрашивает Парша.

– Сейчас проверим, – Винт поворачивает голову: – Хлыщ, Тень, лезьте на чердак, остальные прикрывают. Если там, кто раньше времени шевельнётся, – Винт намеренно повышает голос так, чтобы его могли хорошо услышать наверху, – ебашим в потолок из всех стволов, но палим только по моей команде. Усекли?

– Поняли, командир!

– Пошли, – разведчик пихает в бок Сергея, – нам туда, – Хлыщ указывает на крутую металлическую лестницу у стены, ведущую наверх.

– Может, я вместо Сухова пойду? – встречает Митяй.

– Нет! – отрезает Винт. – Здесь не нахрап, а внимание требуется. Хлыщ, Тень живо! Сухов, – добавляет командир, – как залезешь, если там все чисто, выходишь на крышу через окно, сечёшь за местностью из снайперки и держишь периметр. Понял?

Сергей кивает.

– Тогда, чего стоим?! – Винт обходит лужу. – Дохлаки заждались! Погнали!

Разведчик и снайпер не заставляют просить себя дважды. Бойцы подходят к лестнице. Хлыщ кладёт руку на плечо Сухова.

– Как полезем, не суетись. Я иду первый. Ты сзади. Ступим на верхнюю площадку, упираешь ствол в люк в потолке и, чуть приоткрыв, держишь его. Я прикрываю тебя, потом лезу, ты за мной. Дальше по обстановке. Сам знаешь.

Сергей не отвечает. Сквозь переговорную мембрану слышно его учащённое дыхание. Вдох. Выдох. Сердце бьётся медленнее. Протерев запотевшие линзы противогаза, Сухов берётся за поручень. Лезть в ОЗК, на чердак, даже по лестнице, та ещё задача. Хочется содрать с себя ненавистную «химзу», которая, кажется, стала второй кожей. В бахилах хлюпает, пот льёт по лицу. Бельё прилипло к телу. Тень лезет наверх, чувствуя затылком, как спину буравят взгляды чистильщиков.

«Винт снова меня решил проверить, – думает Сергей. – Типа, оправдываю ли я своё прозвище. Ничего, я вам всем покажу!»

– Дошли, – шепчет Хлыщ, стоя одной ногой на узкой площадке. – Готов? – разведчик целится в проём из СКС.

Сергей кивает. Ствол «мосинки» упирается в люк, ведущий на чердак. Поднатужившись, Сухов приоткрывает его, стараясь не высовываться и каждую секунду ожидая выстрела в лицо.

– Держишь? – раздаётся под ухом голос Хлыща.

– Угу, – мычит Сергей.

– Вроде чисто. Теперь мой черёд, – продолжает Хлыщ, – двинься.

Сухов поворачивается боком, а Хлыщ, встав на верхнюю ступеньку и включив налобный фонарь, с удивительной для одетого в ОЗК человека лёгкостью, буквально ныряет в черноту проёма.

Сверху доносятся чертыханье, скрип, затем звук шагов. Доски прогибаются под тяжестью разведчика. Секунд через тридцать люк распаивается настезь.

– Лезь за мной! – разведчик светит в лицо Сергея. – Чисто! – кричит Хлыщ вниз. – Винт, давай сюда!

– Чего там? – спрашивает чистильщик.

– Жопа! – лыбится Хлыщ. – Сам увидишь.

Винт глухо матерится. Приказав остальным оставаться на месте, чистильщик залезает на чердак.

– Я тебе, что, пацан, приказал? – злится Винт, видя, что Сергей точно завис, рассматривая лежащее на балках перекрытия обглоданное до костей тело человека в изодранном «аладине». – Трупаков давно не видел?! Марш на крышу! Чтоб духа твоего здесь не было через секунду!

Сухов, стиснув ложе винтовки, перепрыгивает через балки перекрытия, подбегает к окну. Подняв створку, он осторожно вылезает на крышу.

– Кто его так? – спрашивает Винт у Хлыща. – Та тварь?

– Больше некому, – разведчик присаживается на корточки, – сам посмотри, – Хлыщ светит фонарём на тело, – собиратель точно на скотобойне побывал.

Луч скользит по туловищу с разорванной грудной клеткой, обгрызенными ногам и выеденными внутренностями.

– А сердце, я думаю, он оставили на десерт, – Хлыщ показывает на вывернутые наружу рёбра, – всё подчистую сожрал. Лакомился!

Встав, разведчик носком ноги переворачивает тело. Осматривает его.

– Думаю, – продолжает Хлыщ, – он сначала обездвигил его. Гляди, – разведчик вытягивает руку, указывая на ноги, – сухожилия порваны. Наверное, чтобы не убежал. Затем, – Хлыщ смотрит на лицо трупа, – судя по ранам, он выел ему глаза, ещё живому.

– Почему ты так думаешь? – Винт чувствует, как к горлу подкатывает тошнотворный ком.

– По ранам, – отвечает разведчик, – уши порваны, на щеках следы от когтей и зубов, и он с него снял скаल्प. Значит, мародёр, скорее всего, сопротивлялся, головой мотал, а тварь, сдернув вместе с волосами противогаз и прижав лапой его харю, стала жрать.

– Это конечно всё интересно, – Винт меняет тему разговора, – только, следопыт ты наш, скажи, чего здесь собиратель один делал. Мародёры так не ходят, где его автомат и как тварь залезла сюда, на чердак.

– За товарищей этого бедолаги не скажу, не знаю, может, разбежались, – Хлыщ ухмыляется. – Но думаю, его бросили, как самого слабого, на съеденье, а сами ноги сделали.

– С чего ты взял? – удивляется Винт.

– Возле окна следы от обуви, два средних, одни поменьше, и отпечатки от ботинок размера сорок шестого – сорок седьмого – это четыре человека, – разведчик поворачивает голову, – думаю, собиратели залезли сюда, вскрыв грузовые ворота снаружи, поэтому и следов во дворе не было. Походили по цехам, толком ничего не нашли. Наверное, решили перекусить, поэтому дальше не пошли, да и зачем на входе светиться, топтать. Мы же, если что, через главный вход пойдём. А следы – это палево. Затем поднялись сюда, типа отдохнуть на чердаке, там, – Хлыщ машет рукой в угол, – пара свёрнутых спецовок валяется, поджопники, а другана своего на стрёме внизу оставили. Тварь пришла, тот увидел её там, где кровь на верстаке, стал палить. Может, зверя ранил, но почему-то не смог убить. Затем он убежал и, со страху, стал стрелять во все стороны, потом залез сюда, прямо по лестнице, мутант за ним, а собиратели тем временем дёрнули по крыше. Типа, кто не спрятался, я не виноват. Вот его и слопали. Страшная смерть. Врагу не пожелаешь.

– А автомат где?! – Винт теряет терпение. – Не тварь же его забрала, если ты говоришь, что друганы его сразу дёрнули, а?!

– Хрен его знает! – Хлыщ пожимает плечами. – Я тебе что, Нострадамус, всё знать? Может, он сначала, когда лез, автомат на чердак закинул, а собиратели его себе забрали, кинув товарища. Одно скажу, такого хищника мы ещё не видели, а значит, надо подготовиться к худшему.

– Эй, долго вы там ещё трепаться будете? – кричит снизу Митяй. – Достало уже. Солнце заходит. Мы чё мля, здесь до ночи торчать будем?! Идём мы сегодня в «Гудок» или нет?

Винт открывает рот, чтобы разразиться бранью, как снаружи раздаётся винтовочный выстрел. Хлыщ поворачивает голову. Не дожидаясь приказа, разведчик бросается к окну. Винт бежит за ним, краем глаза заметив, что в чердачном проёме показалась противогазная харя Митяя.

– В кого шмалял? – выпаливает Винт, видя, что Сухов, лежа на скате крыши и положив винтовку на конёк, выцеливает кого-то на дороге.

Сергей не отвечает. Ствол «мосинки» медленно смещается левее. Винт порывается подойти к Сухову, но его останавливает Хлыщ.

– Не мешай пацану, – шипит разведчик на ухо командиру, – он дело знает. Глаз – алмаз. Закончит, сам расскажет.

Винт кивает и буквально осаживает ударом кулака в грудь гроыхающего ботинками по шиферу Митяя.

– Ты чего?.. – чистильщик сгибается, пытаясь отдышаться.

– Тише ты, громила! – ярится Винт. – Разбегался как конь.

В этот момент грохает второй выстрел. Вслед за ним слышится отчаянный скулёж.

Сергей поворачивает голову, смотрит на ребят.

– Попал? – спрашивает Винт.

– Да, – кивает Сухов, – минус два.

– Кто? – Хлыщ становится на конёк, вглядываясь в серую хмарь.

– Псы, – рубит Сергей, – здоровые правда, не то что обычные доходяги, которые по свалкам шарятся.

– А тварь? – Винт, не дожидаясь ответа, подходит к Хлыщу.

– Не видел, – врёт Сергей, не решаясь признаться, что немного растерялся и не выстрелил, увидев в прицел мутанта – тварь в виде огромного волка-альбиноса с передними руколапами, заканчивающимися острыми когтями.

– Хитрая сука, – цедит Хлыщ, – видно сразу ушёл, раз собаки решили появиться. Где они?

– Там, по дороге, – машет рукой Сухов, – метрах в двухстах отсюда, на повороте лежат. Точнее, одна прямо на дороге, а вторая на обочине за деревьями.

– А чего второй пёс, раз ты первого уложил, дёру сразу не дал, или ты нам туфту прогоняешь? Промазал сначала? – язвит Митяй.

– А ты сам сходи и проверь, – спокойно отвечает Сергей, – может, ещё кого найдёшь, а то только языком чесать можешь, да патроны ныкать.

Сквозь линзы противогаза видно, как глаза Митяя наливаются кровью. Чистильщик сжимает кулак. Замахивается.

– Харэ! – рывкает Винт. – Задолбали оба! Только писюнами и меряетесь! Там наш бой! – командир вытягивает руку, указывая вперёд. – Бегом вниз. Меняем фильтры, ссым, кому надо, и выступаем. А если, вы оба, ещё раз рты раззявите, зубы повыбиваю. Поняли?

Митяй и Сергей кивают и быстро уходят с крыши. Вслед за ними идёт Винт. Потом спускается Хлыщ.

Но, почувствовав чей-то взгляд, разведчик останавливается. Повернув голову, Хлыщ всматривается в наступающую темень. Ему кажется, что из сумрака на него пялится пара злобных буркал, прожигая огнём почти человеческой ненависти.

«Что же ты такое, – думает разведчик, – хочешь сожрать меня, но понимаешь, что мы тебе не по зубам? Или думаешь, как напасть? Понравилось лакомиться человечинной?»

Наступающий вечер хранит молчание. Разведчик обращается вслух. Проходит секунд тридцать, как раздаётся окрик Винта:

– Хлыщ, какого лешего ты там забыл?! Шевелись! Мы люк закрываем!

– Иду! – разведчик ныряет в окно, проходит по чердаку и, внезапно вздрагивает, услышав, как над дорогой несётся подгоняемый ветром протяжный злобный вой...

Глава 6

Сертякино

Ночь. Дорога. Лес недалеко от поселка Сертякино

Полная луна, вынырнув из-за облаков, скалясь, пялится на отряд чистильщиков, медленно продвигающийся по разбитой дороге. Бойцы крадутся как призраки, следуя за Хлыщом.

По асфальту змеятся глубокие трещины. Ямы в дорожном полотне заполнены водой. Под ногами чавкает грязь. Ветер шелестит пожелтой листвой в верхушках деревьев. Кажется, что кто-то тихо плачет в ночи, поминая живых в этом проклятом богом мире. Страх перед неизвестностью сковывает движения чистильщиков, виснет пудовыми гириями на ногах, заставляет постоянно оборачиваться, чтобы проверить, не бежит ли тварь, сожравшая мародёра.

– Не нравится мне всё это, – жалуется Парша, оглядываясь по сторонам. По спине парня, несмотря на ночной холод, струится липкий пот. – Мы здесь как на ладони. – Парша зябко поёживается, стараясь не смотреть на жуткого вида деревья, раскинувшиеся по обе стороны от дороги.

Кажется, что искривлённые, покрытые, как кожей, тёмно-зелёным мхом, стволы вытягивают руки-ветви к чистильщикам, норовя зацепить ОЗК и дорваться до плоти острыми сучьями. Кроны смыкаются над головой. Давят, как пресс, словно собираются размазать жалких людишек, осмелившихся нарушить покой безмолвных стражей.

– А ты не бзди раньше времени, – тихо смеётся Митяй. – Мы ещё до «Гудка» не дошли, а ты уже обделался. Что с тобой в части будет?

– Разговорчики! – шипит Седой. Пулемётчик, идя замыкающим, отвечает подзатыльник Митяю. – Молча гребите! Лучше по сторонам смотрите, а то ту хрень, которая собирателя обглодала, пропустите. Тоже мне бойцы, с вами только склады шмонать, да бабам сказки рассказывать.

Посчитав за благо не злить Седого, Митяй, выматерившись про себя, водит стволом «ублюдка» по сторонам. Чистильщик мысленно прикидывает, успеет ли он, при нападении мутанта, спрятаться за Паршу и открыть огонь.

Рука парня сама собой тянется к налобному фонарю. Митяю хочется включить его, точно тусклый свет может защитить от твари, рыскающей где-то там, в ночи, и чей леденящий душу вой чистильщики повторно слышали с минуту назад.

Говорят, что страх заразен. Стоит подхватить одному, как он, точно болезнь, передаётся другому. Митяй, до рези в глазах всматриваясь с бешеную пляску теней среди деревьев, чувствует, как воспалённое воображение само собой дорисовывает игру разума, складывая из разрозненных деталей общую картину.

Парню кажется, что между деревьев движется серая тень. Ещё мгновение, и во тьме загораются красные огоньки хищных буркал. Затем тварь рывком срывается с места, чтобы через секунду рассыпаться и снова стать частицей леса – качающейся на ветру веткой или замшелым пнём.

Митяй трясёт головой, сбрасывая наваждение, смотрит вперёд, стараясь разглядеть идущего впереди Хлыща. Но взгляд, сам собой скользнув по спинам Курца и Винта, упирается в затылок Сухова. Тень, словно почувствовав это, чуть поворачивается, так, чтобы краем глаза заметить, как на него пялится Митяй.

«Чё, всё никак не уймёшься, сучонок? – мысленно спрашивает Сергей. – Ничего, дорога длинная, всякое может случиться и...»

Сухов, вздрогнув, затыкается, гоня прочь мысли об убийстве Митяя, которого ему неожиданно захотелось придушить голыми руками. Или взять камень и размозжить голову, лупя по черепу, пока мозги чистильщика не выплеснутся на асфальт.

«Что-то странное происходит с нами, – думает Сергей, – точно подначивает кто, толкает, заставляя думать о плохом, накачивая ненавистью. Вот всё говно и лезет из нас».

Сухов усилием воли заставляя себя переключиться и думать о другом. Сергей, несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, «включает» ночное зрение – дар и одновременно проклятье, позволяющее видеть в темноте. Мир окрашивается в серые краски. Детали, которые ещё секунду назад в тусклом лунном свете казались серыми и едва различимыми, становятся осязаемыми, приобретая четкие контуры и объём.

Сергей видит, как Хлыщ, замерев, опускается на колено, подносит к маске противогаза монокуляр ПНВ – «циклопа», как его называют в отряде, и долго вглядывается в темноту, будто пытаясь разглядеть что-то за поворотом. Сухов оборачивается. Винт, видимо уже привыкнув к ежеминутному мандражу разведчика, знаком руки приказывает всем остановиться.

Чистильщики садятся на одно колено, берут оружие на изготовку. Сергею кажется, что вместе с возможностью видеть в темноте он обрёл способность слышать мысли других. Понимая, что это всего лишь бред воспалённого воображения, Сухов включается в игру, прислушиваясь к своему внутреннему голосу.

«Чем ближе мы подходим, тем труднее становится, – нашептывает на ухо незримая сущность. – Точно кто-то не пускает, заставляет повернуть назад, а ещё лучше – бежать без оглядки. Беги! – голос буквально врывается в мозг Сергея. – Или сдохнешь! Вы все сдохните!»

Вопль разрывает мозг. Сухову хочется выбросить винтовку, упасть и, зажав уши, кататься по земле. Кровь тугими толчками пульсирует в висках. Сергей недоумённо озирается по сторонам. Судя по надсадному пытению остальных, чистильщики испытывают те же самые ощущения.

Сухов видит, что к Винту, вопреки отданному приказу «не высовываться», подходит Рома Курцев, которого все зовут Курц. Обычно молчаливый, даже угрюмый парень, из которого лишнего слова не вытянешь, едва не срывается на крик:

– Командир! Надо поворачивать! Они идут за нами!

– Кто? – переспрашивает Винт.

– Они! – выпаливает Курц, оглядываясь по сторонам. – Они повсюду! Смотрят на нас! Ждут! – парень почти визжит. – Твари!

Сергей замечает, что палец Курца дрожит на спусковом крючке АК-74.

«Ещё шмальнет, – думает Сухов, уходя с линии огня, – влипли мы с этим заданием».

– Отставить панику! – взрывается Винт. – В строй, я сказал. Бегом, падла! Ещё раз высунешься, завалю!

Курц, что-то невнятно пробурчав, занимает своё место в построении. Винт поднимается с колена. Пройдя мимо Сергея, чистильщик подходит к Хлыщу. До слуха Сухова долетают обрывки фраз:

– Какого чёрта ты тупишь? Мы так до утра будем идти. Тут всего ничего осталось!

– Там... – Хлыщ машет рукой, показывая вперёд. – В посёлке что-то есть. И оно ждёт нас!

– Тогда пойдём и познакомимся! – приказывает Винт. – Живо! А если ты, сука, снова тормознёшь нас без повода... – видно, что чистильщик подбирает слова, – а... – машет Винт рукой, – двигаем.

Хлыщ кивает.

– Я чуть вперёд уйду. Вы за мной, но близко не подходите. Держите дистанцию метров в сто. Если засада, то я почувствую. Крайний вариант – спровоцирую их. Если услышите пальбу, тогда ходу ко мне, но не раньше.

– Уверен? – спрашивает Винт.

– Сам знаешь, – лыбится разведчик, – я тебя не подводил.
– Родные стены помогают? – подначивает Винт Хлыща. – Давно же мы здесь не ходили.
– Наверное, – разведчик жмет плечами, – Сертякино пройдем, а там и до «Гудка» два шага. Выведу. Будь уверен, – неожиданно добавляет Хлыщ, – как-никак вырос здесь.

Винт кивает. Подождав, пока разведчик скроется в темноте, он тихо отдаёт команду:

– Двинули...

Через несколько секунд отряд, точно канув в омут, растворяется в темноте за поворотом. Чистильщики не заметили, как позади них дорогу перебежала серая тень, которая скрылась между деревьями...

* * *

Пятнадцать минут спустя. Дорога на Сертякино

– Ну вот, а ты боялся, – Митяй обращается к Парше, – как баба нюни распустил.
– Да пошел ты! – храбрится парень, провожая взглядом лес, который остался позади. – Без тебя тошно.

– Это только начало, ягодки впереди.

Митяй чувствует, что чем больше он издевается над Паршой, тем меньше боится сам. Чистильщик поворачивает голову. Деревья, которые ещё недавно казались живыми, давили, нависая над головой, вновь становятся просто дубами, березами и елями.

Отряд упрямо движется вперёд. Прямо по ходу, справа, в призрачном лунном свете вырисовываются контуры частных домов. Чуть дальше и левее виднеются две чёрных громады промзданий. Повинуясь знаку Винта, чистильщики группируются плотнее.

– Уходим с дороги, – шепчет Винт, – ждем Хлыща. Тень, дуй туда, – чистильщик указывает на кусты, раскинувшиеся возле обочины, – там хорошее место для наблюдения. Седой, тыл! Остальные рядом со мной. Парша, Митяй, правый сектор. Курц левый. Далее, действуем по обстановке.

Бойцы с чёткостью хорошо смазанного механизма, группами по двое и прикрывая друг друга, перебегают к раскидистому дереву, стоящему у дороги. Каждый занимает указанное ему место. Чистильщики смотрят по сторонам. Ждут. Сердца превращаются в метроном, который с каждым ударом приближает конечную цель.

Минут через пять раздаются тихие шаги. Хлыщ быстро идёт по обочине, стараясь не наступать в чавкающие жижей лужи. Увидев вышедшего из засидки Винта, разведчик направляется к отряду.

– Ну, чего выяснил? – спрашивает Винт, окидывая взглядом заляпанного с ног до головы грязью Хлыща. – Ты что, ползал?

– А, – отмахивается разведчик, – сам знаешь, в нашем деле, чем больше говна, тем целее будешь.

– Деда видел? – продолжает Винт.

– В том-то и дело, – серьёзнее Хлыщ, – Травник пропал!

При этих словах Седой, а особенно Курц, Парша и Тень обращаются в слух. Ребята многое слышали о загадочном Деде – старике-отшельнике, внешне похожем на натурального домового и живущем, по слухам, где-то в Сертякино, но которого мало кто видел. Большинство же укрываемых вообще считали, что Дед – миф, придуманный несколькими чистильщиками, чтобы травить байки у костра. Уж слишком необычной казалась сама вероятность, что в опустевшем после Удара посёлке живёт старик, по слухам, выращивающий в теплице забористый самосад. Сигарет-то, днём с огнём теперь не сыщешь. Всё скурили, а трубки есть у многих,

только не каждому по карману – табачок от Деда. Спичечный коробок со смесью ценится на вес золота, точнее – пригоршню патронов.

Причём старик этот, которого за глаза чистильщики зовут Травником, не местный, а пришлый. Единственный из людей, кто, наплевав на все страхи, осмелился поселиться в заброшенном посёлке – проклятом месте – месте, где, побыв час-другой, начинает мерещиться всякая чертовщина, а от боли раскалываться голова. А вот Деда, почему-то, эта хрень не берёт. И мародёры его не трогают. Торгует себе по тихому, меняя табак и лечебные травяные настойки на еду и патроны к вертикалке.

– Ты чего, прямо до него дошёл? – удивляется Винт. – Он же не любит этого. Захочет, сам покажется.

– Нет времени в хотелки играть, – отрезает Хлыщ, – и так всё через одно место пошло, вроде идём, а на самом деле тащимся. Я хотел у него спросить, может, он видел чего, или слышал. Чего те мародёры здесь делали? Куда пропали? Что за тварь здесь шастает?

– Ага, – в разговор встревает Седой, – так тебе Дед и расскажет. Помнишь, что он в прошлый раз учудил?

– Забудешь такое! – Хлыщ улыбается. – Хватило дурости с ружьём выйти, против нас с автоматами!

– А может, Дед, опять на дальняки ушел? – предлагает Винт. – Он же любит шастать, бирюк старый, точно лешак.

– Нет, – Хлыщ мотает головой, – я в дом не заходил, но почувствовал, что его там нет.

– Ну, так значит, точно, опять где-то бродит! – Винт теряет терпение.

– Ты не понял, – Хлыщ переходит на шепот, – там всё мертво, жизни нет, дом холодный, как выпотрошенный труп.

– Чтоб тебя! – бесится Винт. – Опять ты за своё! Я же предупреждал, хватит с меня твоего шаманства!

– Погодь! – Хлыщ оборачивается. – Тсс!.. Слышали?

Чистильщики, целясь во тьму из всех стволов, напрягаются, пытаются хоть что-то расслышать сквозь завывания ветра. Проходит секунд тридцать, но хладный поток всё так же свистит в верхушках деревьев.

– Чего там? – Винт шарит стволом по сторонам. – Я ни черта не слышу!

– Хрен его знает, – разведчик пожимает плечами, – шаги почудились, и шепотом вроде говорили. Тихо-тихо так, – Хлыщ замолкает и, подумав, добавляет: – как мертвецы...

– Что за бред ты несёшь! – злится Винт. – Дохлые не говорят! Выдвигаемся! Застоялись мы здесь, призраки ему уже мерещатся!

– А куда, к Деду? – спрашивает Хлыщ.

– Нет! – режет Винт. – Достал ты уже с ним, – в «Гудок». На обратном пути к нему заглянем.

– Как скажешь, – разведчик поворачивается, – как скажешь...

– С дороги сходим, – Винт обращается к Митяю, Курцу, Сергею и Парше, – слишком открыто. Поворачиваем направо, идём между домами. Седой, ты знаешь куда. Проходим до развилки, поворачиваем налево. Там все время прямо. Хлыщ, мы за тобой.

– А может, по дороге пойдём, как и шли? Я впереди, Тень наблюдателем, потом вы? – предлагает разведчик.

– Нет, – цедит Винт, – двигаемся сквозь Сертякино. Если те мародёры где-то бродят, то могут ждать нас на дороге. Место там открытое, хорошо простреливаемое с двух сторон.

– А чё, в посёлке засаду сложно организовать? – по голосу Хлыща видно, что он, и на него это совсем не похоже, бесится.

– Вот ты и сделай так, чтобы мы в неё не попали! – Винт с силой хлопает Хлыща по плечу. – Ты понял приказ, умник!

Разведчик нехотя кивает. Вскидывает СКС и точно растворяется в ночи. Отряд следует за ним.

* * *

СНТ Сертякино. Пять минут спустя

Чистильщики идут, прижимаясь к заборам, внимательно наблюдая за окнами домов. Луна прячется за облаками. Тьма сгущается, становится осязаемой, точно плеснуть чёрной краской. Бойцы стараются не отставать друг от друга, идя след в след.

Тяжелое дыхание разносится по улице. Отражается эхом от стен. Дойдя до перекрёстка, бойцы, встав у забора, напротив большого коттеджа с серой крышей, озираются по сторонам. Чистильщиков не покидает ощущение, что кто-то или что-то смотрит на них, пялится из окон, выжидая удобного момента, чтобы напасть.

– Ты! – палец Винта упирается в грудь Курца. – Остаёшься с Седым здесь, держите дорогу. Парша, Митяй! Вы бегом прямо. Смотрите, что на том перекрёстке, – Винт машет рукой вперёд. – Тень за мной, ищем Хлыща, а то он опять где-то завис!

Чистильщики выполняют приказ. Разбегаются. Седой, проводив взглядом скрывшихся за поворотом Винта и Сергея, подходит к Курцу.

– Сыкотно, да? – чистильщик водит стволом пулемёта по дороге.

Курц молчит.

– Это хорошо, что тебе страшно, – продолжает боец, – тот, кто не боится,дохнет первым. Только дураки не боятся.

– А тебе страшно? – чувствуя, как внутри нарастает волна злости, спрашивает Курц.

Седой поворачивает голову, внимательно смотрит на парня, затем, сквозь зубы, цедит:

– А ты меня в труса... или придурка записать хочешь?

Опешив, Курц не знает, что ответить.

– Не ссы, Ромик, – бросает Седой, – нам с тобой вместе ещё долго шастать. Ты сектор держи, не бойсь, это я так, шуткую с тобой, чтобы ты раньше времени штаны не обделал.

Курц, выдохнув, вскидывает автомат и отходит на пару метров в сторону. Парень наблюдает за дорогой. На секунду ему кажется, что с той стороны, откуда они пришли, мелькает тень. Боец подаётся вперёд. В этот момент из-за облаков показывается луна. Призрачный свет падает на крыши домов, серебрит верхушки деревьев, заползает в коттеджи, окрашивая стены мертвенным сиянием.

«Нас точно куда-то затягивает, – думает Курц, – сначала тварь эта, теперь Винт зачем-то решил отряд на группы разбить, чтобы нас проще перещёлкать было? Чертовщина какая-то. Сами лезем в петлю!»

Парень, опустив автомат, прислоняется к забору из тонкого профлиста, который проминается под его весом. По пролёту бежит гудящая волна. Тотчас со стороны дома грохает автоматная очередь. Пули сочно барабанят по металлу, пробивая сталь. Курц, застыв, точно изда- лека слышит окрик Седого:

– Падай, придурок!

Парень валится на спину и чувствует, как руку жалит острая боль. Вскрикнув, Курц отползает от забора. Вокруг него взмываются фонтанчики земли. Парень, шипя и матерясь, видит, как Седой открывает огонь из пулемёта по окнам дома. Затвор сочно лязгает. Гильзы падают в грязь. По дороге мечется испуганное эхо выстрелов.

Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Бам!

Седой лупит длинными очередями. Тонко звенит разбитое стекло.

– Отползай! Отползай, мать твою! – орёт чистильщик. – Пока я их прижал. В сторону откатывайся!

Мир для Курца окрашивается огненными всполохами, несущими в себе смерть. Подавив в себе паническое желание – вскочить и бежать без оглядки, парень перекатывается по дороге. Линзы противогаза заляпывает грязь. Верх и низ смешиваются в пульсирующую чехарду света и тени.

«Скорее! Скорее! – вопит внутренний голос парня. – Ты же хочешь жить?! Тогда шевелись!»

Ударившись коленями о газонный бордюр, Курц привстаёт и, перевалив через него, ныкает за бетонным столбом, словно электрическая опора может его защитить.

В голове парня стоит звон. Голова туго соображает. Кажется, что с момента первого выстрела прошла целая вечность. Протерев линзы, Курц осматривается. Он видит, что в ответ на безостановочную пальбу Седого, уже из мансардного окна кто-то огрызается ответным огнём. До слуха Курца долетает сухой щелчок, а эхо пулёмётных выстрелов замирает вдали.

– Прикрывай!

Седой, спрятавшись за кирпичным столбом забора, отщелкивает дисковый магазин, меняя его на обычный. Курц, точно очнувшись от сна, приставив приклад к плечу, жмет на спуск, паля из АК-74 отсечками по три патрона.

Бам! Бам! Бам!

Пули ложатся кучно, точно вокруг окна. В доме вылетает рама, затем слышится треск крошащегося шифера. Курц краем глаза замечает, как к ним, по улице, прижимаясь к заборам, бегут Митяй и Парша.

– Стоять! – орёт Седой, дёргая рычаг затвора. Ребята замирают. – По моей команде!

Перекатившись, Седой поднимает РПК над головой. Слышится грохот короткой очереди. Чистильщик, дёргая спуск, пригибаясь, несётся вдоль пролёта. Добежав до ворот, Седой прячется за оббитой толстым металлом калиткой. Кивает Курцу: «Жги на всю!» – затем, повернув голову, глядя на Митяя и Паршу, Седой поднимает руку.

Курц, поставив переводчик огня на букву «А», утапливает спусковой крючок. Из АК вырывается длинная очередь.

– Пошли! – шепотом орёт Седой, резко опуская руку.

Митяй и Парша срываются с места. Подбегают к Седому.

– Что случилось? – тараторит Парша.

– Просрала мы собирателей, – Седой тяжело смотрит на парня, – или по задам обошли, откуда не ждали, или в доме сидели, пока мы терки вели. Эй! – кричит чистильщик Курцу. – Сильно тебя зацепило?

Парень мотает головой.

– Чиркач!

– Тогда сиди там и не высывайся!

Седой смотрит на дорогу.

– Чего мы ждем? – палец Митяя пляшет на спуске. – Надо входить и перебить их всех!

– Погодь, торопыга! Ждём Винта и остальных! – Седой осматривается. – Они не рыпнутся из дома, зуб даю. Поэтому, я остаюсь здесь, а ты, – чистильщик смотрит на Паршу, – берешь свою жопу в руки и бежишь как мышь к тому дому, – палец тычет в дальний приземистый коттедж с металлической кровлей. – Там перекрёсток, увидишь движуху, валишь из своего «укорота» всё что движется.

Придав Парше скорости ударом приклада по спине, Седой обращается к Митяю:

– Ты, по тихой обходишь дом справа, приходишь до лесополосы. Только без геройства, заметишь кого, не стреляешь, а рвёшь сюда. Понял?

Парень кивает. Прижимаясь к забору, Митяй осторожно обходит его по периметру. Седой, зыркнув по сторонам, прижав приклад пулемёта к плечу и держа на прицеле окна коттеджа, смотрит на Курца.

– Давай сюда! Прикрою!

Курц, стараясь не обращать внимания на пульсирующую боль в руке, привстаёт. Осмотревшись, парень, пригибаясь, бежит к Седому.

– Живой?

– Угу.

– Патроны остались?

Курц, стараясь отдышаться, кивает.

– Шесть полных... и ещё... рассыпуха есть.

– Руку покажи.

Седой деловито, через заляпанную кровью ткань ОЗК, ощупывает предплечье Курца.

– Больно?

– Есть немного.

– А так? – Седой нажимает чуть пониже раны.

– Терпимо, – выдыхает парень.

– Я тебя сейчас чуть залатаю, а потом, когда ситуёвину разрулим, нормально забинтую.

Седой, открыв клапан нарукавного кармана, достаёт моток изоленты. Обмотав руку Курца, чистильщик спрашивает:

– Не туго? Согнуть сможешь?

– Я и стрелять смогу, – улыбается Курц, разгибая руку.

– Тогда действуем так, – Седой смотрит на дорогу. Курц замечает, как глаза чистильщика затуманиваются. Несколько раз моргнув, Седой низким, точно не своим голосом говорит:

– Нам надо подорвать калитку... зайти во двор... потом в дом и херачить всё живое.

– А Винт, Тень и Хлыщ?! – растерянно спрашивает Курц. – Ты же сам говорил, что без них соваться не станем!

– Говорил... – эхом отзывается Седой, – ну... тогда... ждем...

Чистильщик внезапно вздрагивает. Смотрит на Курца, затем резко выпаливает:

– Это ты бабе своей сувать станешь, когда она попросит, а здесь я главный! – Седой поглаживает приклад пулемета. – Без них разберемся!

– Ты чего? – удивляется Курц.

– Да пошли они, суки долбаные! – ярится Седой. – С... хера ли, мы тут жопу рвём, а они заныкались где-то и ждут, кто кого перевозит.

Курц округлившимися глазами пялится на чистильщика.

– Как это?

– Забей, – Седой достаёт РГД-5, – смотри и учись.

Чистильщик приматывает изолентой гранату к ручке калитки. Убедившись, что корпус держится как надо, Седой приказывает Курцу:

– Жми к Митяю. Скажешь, чтобы сюда дул. Вернётся, скажу, что дальше делать.

– А Парша?

– Димон пусть остаётся там, где сидит, – Седой усмехается, – толку больше будет.

Курц, пригибаясь, скрывается за углом забора.

«Дело хреновое, – думает Седой, – если Винт, услышав выстрелы, до сих пор не пришёл, значит, что-то случилось... Может быть, та тварь?»

Чистильщик озирается, словно ища ответа, но ночь хранит молчание...

* * *

Сертякино. Другая сторона посёлка

Бам! Бам! Бам!

Грохот автоматных выстрелов рвёт ватный воздух на части. Тьму озаряют яркие вспышки. Винт, прячась за большой кучей сваленного посреди дороги щебня, методично палит по «буханке» раскорячившейся посреди улицы. Из-за автомобиля, стреляя через окна, огрызаются ответным огнем несколько мародёров. Пули секут щебень, окатывая чистильщика каменным крошевом.

– Хлыщ! Гаси того ублюдка, справа! – орёт Винт разведчику, лежащему метрах в пяти от него.

Хлыщ, тщательно прицелившись, жмет на спуск СКС.

Бам!

Собиратель, прячущийся за «буханкой», громко вскрикнув, падает на спину. От боли забыв об осторожности, открывается. Схватившись за простреленную голень, мародёр начинает громко вопить, пока второй выстрел не разносит его башку.

– Молодчага! – Винт продолжает всаживать пулю за пулей в «таблетку», не давая стрелкам высунуться из-за кузова. Приклад АК-74М бьёт в плечо.

Бам! Бам!

В сторону машины уносятся два ярко-огненных трассера.

– Пустой! – кричит Винт, отщёлкнув магазин. – Прикрывай!

Хлыщ смещает ствол карабина левее. Грохает выстрел. Второй. Третий. Пули звонко барабанят по металлу машины.

– Готов!

Винт дергает затвор, приставляет приклад к плечу, замечая, что собиратели о чём-то переговариваются.

«Едрить мою за ногу, – думает чистильщик, – как мы на них напёрлись? Точно из-под земли выросли. И вперед не пройти, и назад не сдать, – Винт оглядывается по сторонам, осматривая высокий глухой забор, тянущийся по обе стороны улицы, превративший дорогу в коридор, – так и будем палить, пока патроны не кончатся. И где только Тень носит?! Столько времени прошло, как я его к Седому послал. Неужели ещё не добежал?!»

* * *

Шлёп. Шлёп. Шлёп.

Плюнув на осторожность, Тень бежит по дороге, с трудом выдёргивая ноги из раскисшей жижи. При каждом шаге Сергей проваливается по щиколотку. Грязь, обхватив голень точно живое существо, нехотя отпускает её, чтобы через мгновение захватить другую.

Шаря винтовкой по сторонам, Сергей, «включив» ночное зрение, смотрит через прицел на дома, каждую секунду ожидая выстрела. В спину бьёт эхо автоматных очередей, перемежающихся одиночной пальбой из СКС.

«Значит, Винт и Хлыщ дают им прикурить, держатся, – думает Тень. – Надо спешить!»

Выстрелы, точно удары плетью, гонят парня вперед. Бешено стучащее сердце взламывает рёбра. Становится трудно дышать. Хочется сорвать опостылевшую маску, ОЗК, и будь что будет, только бы избавиться от этого затхлого запаха и вони давно не мытого тела.

Сергей добегает до знакомого перекрёстка. Прижимается к забору. Опустившись на одно колено, прячась за стволом дерева, Тень выглядывает из-за угла. Глаза, давно привыкшие к

тьме, выхватывают детали, в которые разум отказывается верить. Ни души. Лишь на секунду парню показалось, что в серой хмари, застывшей улицу, шевельнулось несколько теней, отдалённо напоминающих контуры человеческих фигур.

Сергей недоумённо смотрит на дом с серой крышей, словно пытаясь удостовериться, что он находится именно на том месте, где отряд недавно разделился. Взгляд бежит по забору из профлиста. Дороге. Окнам коттеджа. Пусто. Седой, Парша, Митяй, Курц точно исчезли.

Тень, приставив приклад «мосинки» к плечу, прикидывает к оптическому прицелу. Смотрит, медленно водя стволом по дороге. Намётанный глаз отмечает знакомые детали. Лужа. Бордюр с чахлым кустарником. Выбоины на кирпичном заборе. Даже следы на грязи. Ни стреляных гильз, ни крови. Чистильщики как будто растворились в воздухе. Пропали, не оставив зацепки, что же могло произойти на этом пятачке, в этом проклятом посёлке.

На ум Сергею приходят слова одного из разведчиков, по слухам, как-то побывавшего в Сертякино. В тот раз боец, сидя у костра, когда Сергей с отрядом Винта сидел на «фишке» в одной из многоэтажек на окраине Подольска, выпустив клубы дыма из трубки, сказал:

«Хорош табачок! Дед постарался, угодил с махрой! – замолчав, разведчик, хитро прищурившись, глядя на чистильщиков, продолжает: – Будете в Сертякино, привет от меня Травнику передавайте, и помните, – разведчик понижает голос, – как в посёлок войдёте, не разбредайтесь. Мёртвые не любят, когда их беспокоят. Тот, кто ушел, пропал. Запомните мои слова, иначе они сожрут ваши души!»

Вспомнив эти слова, Сергей чувствует, как по спине струится холодный липкий пот. Страх перед неизвестностью наливает руки и ноги свинцом, заставляет сердце учащённо биться. Пересилив себя, Тень встаёт. Прижимаясь к забору, Сергей проходит несколько метров. Подойдя к воротам коттеджа, возле которого отряд разделился, Тень останавливается. Смотрит на землю.

«Истоптано, но не больше, чем когда мы стояли здесь, – думает Сергей, рассматривая следы. Тень поднимает глаза, – забор целый, гильз нет, значит, не стреляли. Чертовщина какая-то!»

В этот момент ветер приносит отдалённый крик. Сергей вздрагивает. Поднимает голову, стараясь понять, откуда шел звук. В ответ слышен лишь неторопливый говор деревьев, раскинувшихся вдоль улицы. Повернувшись, Тень смотрит вдоль улицы, ведущей в глубь посёлка. Ему кажется, что из тьмы на него пялится пара огненных буркал. Разевается гигантская зубастая пасть. Слышится урчание. Нос, даже сквозь противогазные фильтры, улавливает смрадное дыхание. В голове Сергея раздаётся тихий вкрадчивый голос. Слов не разобрать, только эхо вторит: «Смерть, смерть, смерть...»

«Выхода нет, – думает Сергей, – надо идти обратно. – Внезапно, в голову Тени приходит мысль. – А что, если... – Сергей смотрит во мрак, – обойти мародёров по дальней улице с тыла и перешёлкать.»

– Но для этого, – нашептывает внутренний трус, – тебе придётся одному пройти почти через весь посёлок, бредя в темноте, что там тебя ждет, а? И про тварь не забывай.

– Да пошел ты! – Тень до хруста в пальцах сжимает винтовку.

– Ну, как скажешь, – трус забивается в дальний уголок разума, – только помни, пацан, я тебя предупреждал!

– А!.. – отмахивается Сергей. – Мы с «трёхой» и без тебя разберёмся!»

Тень, глубоко вдохнув, так, что голова закружилась от избытка кислорода, шагает в глубь поселка. Едва он скрывается во мраке, как из-за дальнего, стоящего на углу улицы дома выходит волкособ. Белоснежная шкура на загривке твари взъерошивается, и мутант, прежде чем последовать за Сергеем, скалясь, долго смотрит ему вслед...

Глава 7

Первая кровь

– Ты слышал? – Митяй поворачивает голову.

– Что? – спрашивает Седой.

– Вроде как собака рычала, – Митяй, вскинув «ублюдка», водит стволом из стороны в сторону. – Показалось, наверное, – неуверенно продолжает парень, – и вроде как кто-то ходил здесь.

– Только ты как Хлыщ не начинай! – Седой смотрит Митяю в глаза. – Заебало уже!

– А может, кому-то из нас до Винта пройти? – предлагает Курц. – Не может быть, чтобы они выстрелов не слышали. Вдруг, что случилось, а мы здесь торчим?

– А вот ты и сходи, если смелый такой, – Седой смеётся, – не хочешь один по Сертякино прошвырнуться? Как? Нет?

Курц сопит.

– Тогда стой и не вякай! Делаем, как я сказал. Подрываем дверь и, прикрывая друг друга, заходим во двор, валим всех, но, по возможности, оставляем одного в живых. На пораспрашивать.

– А если их там целая кодла сидит?

Седой смотрит на Курца.

– Значит, патронов больше потратим. Приготовились, работаем, как я сказал!

Митяй и Курц кивают.

Седой наматывает на кулак тонкий металлический тросик, конец которого он заранее привязал к кольцу чеки гранаты. Чистильщики отходят за угловую секцию забора. Седой натягивает трос, выбирая слабинку. Глянув на ребят, он резко дергает рукой и мысленно начинает обратный отсчет.

«Один... два... три...»

На счёт «четыре» слышится громкий хлопок, точно кто-то лопаёт туго надутый шарик. По улице разносится гулкое эхо взрыва.

– Ходу, черти! Ходу! Мясо ждать не будет!

Седой, с пулемётом наперевес, срывается с места. Курц и Митяй бегут за ним, думая о том, что все последние действия и слова чистильщика больше смахивают на поведение сумасшедшего...

* * *

«Что за фигня? – Тень, перейдя с бега на шаг, оборачивается, затем останавливается. До рези вглядываясь во тьму, Сергей смотрит на дорогу, шаря глазами по домам. – Кричал кто-то? Или... – Тень приникает к прицелу, – показалось? Вроде как рвануло что-то».

Не обращая внимания на нарастающую головную боль, Тень подолгу всматривается в игру теней, затеявших чехарду на улице в том месте, где он недавно стоял. Диск луны то выглядывает, то снова прячется за распяленными низкими облаками, точно играя в прятки.

«Значит, показалось, – Сергей снова переходит на бег, – чёртово место, мерещится всякое, словно в горах в эхо играть».

Тень мысленно улыбается пришедшей на ум мысли. Горы. Он никогда их не видел, и теперь вряд ли уже увидит. Не до того. Только слышал, что эхо может сыграть злую шутку, раздаваясь сразу с нескольких сторон.

Сергей сжимает винтовку. Несётся вперёд, не думая о маскировке. В голове свербит мысль: «Только бы успеть выручить Хлыща и Винта, а там, будь что будет, разберёмся».

Выведя ночное зрение на максимальный режим, так, что в затылке словно заработали разом все кузницы ада, Тень добегают до перекрёстка. Прячется за металлическим ящиком с электрооборудованием. Глаза выхватывают из тьмы детали, которые выстраиваются в единую картину.

«Следов на дороге не видно, – анализирует Сергей. Взгляд скользит по домам. – Есть открытые окна. Это плохо. Так, а это что... – ещё сильнее напрягая глаза, так, что они начали слезиться, Тень смотрит на черные бесформенные развалины. – Сгоревшие дома, – продолжает размышлять парень. – Хорошее место, чтобы засаду устроить, надо проверить...»

Сергей садится, положив винтовку рядом, закрывает глаза. Глубокий вдох. Задержка дыхания. Выдох. И так три раза подряд. Головная боль, раскалывающая череп на части, нарастает. Тень знает, что за тем, что он задумал, наступит страшная отдача, вплоть до потери сознания, но по-другому нельзя. Нет времени, чтобы красться, или ползти, проверяя местность, надо действовать наверняка, и глаза здесь не помогут. Требуется нечто большее...

Через минуту, когда боль достигает максимума, все чувства Сухова резко обостряются. Уши улавливают звуки, которые обычно не слышать. Сергей точно отрывается от земли и скользит по воздуху, заглядывая в каждый дом, в каждую комнату, проверяя развалины, пока не долетает до конца улицы.

На самом деле парень остаётся на месте. Тень и сам не знает, как объяснить эту способность, которую он обрёл после тех страшных испытаний, случившихся полгода назад. Звуки превращаются в образы – мутные картинки, оборачивающиеся в мозгу чёрно-белым негативом, – старой засвеченной плёнкой, на которой мелькают неясные тени и слышится неразборчивый шепот. Но и этого достаточно.

Сергей готов поклясться, что в таком изменённом сознании он способен уловить биение сердца человека, прячущегося в нескольких десятках метров от него. Парень, прислушиваясь к своему «я», с усилием проматывает «плёнку» в мозгу.

Рывок. Боль. Ещё рывок. Мозг точно выжигают калёным железом. Нервы натянуты как канаты. Тень скрежет зубами, до крошева на языке, до хруста в челюстях, но продолжает «забег» за гранью двух миров. Через несколько секунд его губы трогает лёгкая ухмылка. В сгоревшем доме пусто. И тотчас, отключив способность, Сергей с глухим стоном валится в грязь, зарываясь в неё противогазной харей, точно вязкая жижа может поглотить его безмолвный вопль.

Ааа...

Так вопит истерзанный болью разум. Крик помогает. Боль отпускает. Тень переворачивается на спину, заставляет себя подняться.

«Надо идти, надо, – думает Сергей, с трудом переставляя ноги. – Надо».

Опираясь на винтовку, Тень бредёт вперед, туда, откуда слышится звук нарастающей перестрелки.

* * *

– Хлыщ слева! – орет Винт, выцеливая фигуру, перебегающую дорогу метрах в тридцати.
– Вижу, – разведчик жмет на спуск. СКС глухо бахает, собиратель утыкается мордой в грязь.

– Мля! Откуда их столько здесь! – Винт, экономя БК, палит одиночными. – Прямо целый отряд!

Хлыщ молчит, не понимая, почему мародёры, не воспользовавшись численным преимуществом, ещё не обошли их с тыла по соседней улице.

– Не знаю! – шипит разведчик. – Зато тупые!

– Это да! – Винт, прицелившись в голову, мелькнувшую в разбитом окне «буханки», жмет на спуск. Приклад АК толкает в плечо. Грохает выстрел. Человек падает.

«Хороший выстрел, – думает Винт, – только снаряжённые магазины кончаются, а набить их рассыпухой времени нет. Жопа!»

Словно уловив мысли Винта, Хлыщ, повернув голову, бросает:

– Командир, надо уходить, пока отстреливаться есть чем, а то зажмут и передавят как щенят в этом мешке!

Винт задумывается. Оборачивается, надеясь разглядеть Тень, или ребят и Седого в лунном свете. Никого.

– Вот сука! – ярится чистильщик. – Неужели кинул? Мразь! Заныкался, небось, и сидит в каком-нибудь доме.

– Ты на Тень не наговаривай! – шипит Хлыщ. – Он не крыса! Значит, случилось что, или с ним или с Седым, может... – разведчик жмёт на спуск, – причина есть!

– На хрен иди со своими причинами! – взрывается Винт. – Я отдал ему приказ! А он его не выполнил!

Хлыщ не отвечает. Разведчик, краем глаза наблюдая за собирателями, прикидывает, закроет ли его и Винта куча щебня, если они рванут по улице прижимаясь к забору.

«Как ни думай, а спину мы откроем, – Хлыщ крутит головой по сторонам, – и в лоб их не взять, перещелкают, как только высунемся. Эх... нам бы ещё хоть одного бойца на прикрытие».

– Хлыщ, – окрик Винта отвлекает разведчика от невесёлых мыслей, – чего удумал?

– Ничего, – бурчит разведчик, – нам пиздец при любом раскладе.

– Тогда меня слушай! – Винт достаёт Ф-1. – Ты прикрываешь меня, я кидаю гранату. Если нам повезёт, их разбросает, или пригнутся, а пока они сиськи мять будут, мы слиняем.

– Так себе план, – ухмыляется Хлыщ, – на повезёт, не повезёт.

– У тебя есть лучше? – Винт чувствует каждую грань на корпусе «эфки». – На счёт три, готов?

– Валяй.

– Один, – начинает Винт, – два. – Винт медленно тянет за кольцо. Усики предохранительной чеки разгибаются.

– Три!

Прежде, чем Винт успевает окончательно выдернуть кольцо, с противоположной стороны улицы грохает винтовочный выстрел. Один из собирателей, ныкающийся за «буханкой», как подкошенный падает в грязь. Секунда и слышится второй выстрел. Ещё один мародёр, пока до собирателей доходит, откуда стреляют, издав булькающий звук и схватившись за шею, валится набок. Собиратели, очухавшись, открывают беспорядочный огонь по окнам близлежащих домов.

– Кто это их щёлкает? – Винт, чуть разгрёбши щебень, смотрит в сторону «буханки», замечая, как по улице в сторону от машины мчится мародёр.

«Беги, тварь, беги, – Винт прицеливается, – мне есть чем угостить тебя...»

Чистильщик не успевает нажать на спуск, как откуда-то сверху, разносясь эхом, снова доносится звук выстрела. Вопль собирателя глушит противогаз. Мародёр падает, ползёт, волоча простреленную ногу, пока второй выстрел не пригвождает его к земле.

Винт поворачивает голову, удивлённо смотрит на Хлыща. Разведчик хмыкает, вытягивает большой палец вверх.

– Видал, как пацан лупит! – смеётся Хлыщ. – А ты заныкался, заныкался. Теперь наш черёд сук изводить.

– Гасим тварей! Прикрой!

Разведчик методично давит на спуск, палит из СКС. Винт, воспользовавшись заминкой, встав, как следует размахнувшись, бросает гранату в сторону машины. «Эфка» закатывается прямо под днище автомобиля.

– Лягай! – крикнув, Винт падает в щебень.

Хлыщ вжимается в землю. Через несколько секунд по улице разносится гулкое эхо взрыва. Затем, рядом с машиной что-то громко бабахает и «буханка» исчезает в огненном всполохе.

«Опа, сдетонировало что-то, – думает разведчик, – чем-то затарились, поэтому и не ушли. Молодца пацан, дал тварям прикурить, и как только сподобился, не зассал значит, с тыла, один, ночью их обойти, или не один?..»

* * *

СНТ Сертякино. 13-й квартал. За десять минут до взрыва машины

Во дворе двухэтажного коттеджа с полностью выгоревшей мансардой мелькает тень. Человек, держа в руках винтовку со снайперским прицелом, точно скользит по земле, прижимаясь к кирпичной стене. Внезапно боец замирает, пристально глядя в мрак. Секунд через пять снайпер продолжает движение. Стараясь не наступить на осколки стекла, Сергей беззвучно подходит к высаженному окну. Осмотревшись, он берётся за раму и, подтянувшись, исчезает в проёме.

Тихо скрипит перекрытие. Сухову кажется, что бетонная плита шатается у него под ногами.

«Да не, бред, – думает Сергей, – вроде не должно, если только из-за пожара. Только бы не обвалилось ничего, – Сухов озирается по сторонам, – зато место отличное, улица как на ладони, главное – повыше забраться».

Сергей осторожно обходит обугленную мебель, поворачивает направо. Поднявшись по каркасу металлической лестницы с прогоревшими деревянными ступенями снайпер попадает в просторный зал.

«Кучеряво жили», – Сухов, задрал голову и оценив высоту потолков, мысленно присвистывает.

Отдалённые звуки выстрелов заставляют Сергея ускориться. Пройдя по коридору, Сухов подходит к окну, вскидывает винтовку.

«Так, – думает Сергей, рассматривая через снайперский прицел копошащихся у «буханки» собирателей. – Пять человек, ещё трое дохлых, один, видимо, ранен. – Ствол винтовки смещается левее и поднимается чуть выше. Тень видит, как Хлыщ и Винт, вжимаясь в щебень, подолгу прицеливаясь, изредка палят одиночными. – Патроны берегут, – предполагает Сергей, – значит, мой черед шансы уравнивать».

Тень, немного отойдя от окна, так чтобы ствол не отсвечивал с улицы, стоя вполборота, прицеливается. Вдох и выдох. Вдох и выдох. Как учили. Звуки, страх, ненависть исчезают, остаётся лишь холодный расчёт. Приклад винтовки прирастает к плечу. «Мосинка» становится продолжением рук. Вдох и выдох. Как учили. Убивать людей легко...

Но только если представить себе, что перед тобой, вместо человека из плоти и крови, – бездушная кукла, оболочка, наполненная красной жидкостью, которую надо выплеснуть наружу, чтобы твои друзья жили.

Сергей колеблется лишь секунду. Ему уже приходилось убивать людей. В первый раз его просто навели на цель, и Винт скомандовал: «Огонь!». И человек, точнее существо, когда-то им бывшее, закутанное в смердящие лохмотья, тонко взвизгнув, уткнулось в гниющий труп собаки, который оно с упоением жрало на свалке.

Выродки. Все те, кого Колесников выкинул из Убежища. Больные, старые, слабые, трусливые, ленивые. Тот, кто в новом мире оказался просто ненужным, или слишком тупым, чтобы принять правила новой игры под названием «убивай, чтобы жить».

Чистильщики изредка навевались на свалку, расположенную на окраине Подольска, в наш, как они говорили, тир, пострелять по живым мишеням, потренироваться, и заодно выпустить пар, чтобы не прибить кого-нибудь в Убежище.

В тот раз Сергей хорошо запомнил слова Винта, лежащего вместе с ним возле окна многоэтажки и смотрящего в бинокль на свалку, ставшую вторым домом для выродков.

– Я должен знать, что, когда придёт время, ты сможешь выстрелить в человека, – чистильщик смотрит на пацана, у которого дрожит ствол винтовки. – Это тебе не собак валить. Просто выбери, чья жизнь для тебя важнее, твоя, – Винт приставляет к голове Сергея ПМ, – или их, – чистильщик кивает в сторону свалки, откуда доносится яростный гвалт и визг дерущихся из-за куска собачатины выродков. – Считаю до пяти, и ты или стреляешь вон в ту тварь, с патлами, похожую на бабу, или твои мозги растекутся в противогазе.

– Один, – начинает Винт.

Сергей пытается унять трясущиеся руки.

– Два, – чистильщик вжимает ствол пистолета в затылок пацана с такой силой, что Сергею кажется, что дуло уперлось в лысую башку, холодя металлом кожу.

– Три. Я не шучу, сука! Стреляй! – орёт Винт.

Сергей, к ужасу для себя осознаёт, что «сломать» его оказалось куда как легко. Всего-то, – поставить на кон его жизнь, против жизни выродка. В груди зарождается волна ненависти. В первую очередь к самому себе. Вся бравада, напускная уверенность, мигом улетучиваются, когда ты осознаёшь, что девять граммов свинца перевешивают всё человеческое, выпуская наружу зверя, готового на всё, лишь бы выжить.

Заставив себя глубоко вдохнуть, Тень задерживает дыхание. Как учили. Только там были мишени, а здесь – живой человек, пусть и обречённый на смерть из-за передоза радиации.

– Четыре! Стреляй! Она же тебе никто! Ты даже не знаешь, как её зовут! Это же тварь. Выродок! Зачем им жить?! Она и так скоро сдохнет! Убей её! Избавь от мучений! Ради себя!

Слова Винта, точно удары молота, лупят по голове Сергея. Мир суживается до размеров линзы снайперского прицела. Ствол «мосинки» уже не дрожит. Прицельный пенёк намертво приклеивается к голове жертвы.

«Господи, если ты слышишь меня, – неожиданно для себя молится Сергей, – прости! У меня нет выхода. Господи, только прости меня!.. Прости...»

Злость как поток воды, прорвавшийся сквозь дамбу, захлёстывает пацана. Хочется провалиться сквозь землю, или вскочить и бежать сломя голову. Желание жить перевешивает, даже если для этого придётся убить.

Выстрел. Вскрик. Женщина валится в мусор. Выродки, что-то крича, бросаются враспынную. К горлу Сергея подкатывает тошнотворный ком. Пацан смотрит на Винта.

– Хороший выстрел, – чистильщик, убрав пистолет от головы Сергея, подносит бинокль к глазам, несколько секунд смотрит на свалку, неожиданно хмыкает и говорит:

– А теперь добей её!

– Чего? – переспрашивает Сухов.

– Сам взгляни, – Винт тихо смеётся, – тебе уроком будет.

Сергей смотрит в прицел, фокусируется и холодеет от ужаса, видя, что женщина, в которую он выстрелил, всё ещё жива. Корчась от боли, она, сжавшись калачиком, лежит на боку, зажав рукой рану на животе.

– Добей её! – шипит Винт. – Избавь от мучений. Живо!

Сергей кивает. Пальцы дрожат. Картинка подёргивается туманом. Сухов концентрируется. Не важно, что будет потом, главное, что ты сделаешь сейчас. Матеря себя последними

словами, Сергей, видя полные боли глаза женщины, которые теперь снятся ему каждую ночь, заставляет себя выстрелить.

Бах!

Пуля попадет женщине в лоб. Мозги несчастной выплёскиваются на обглоданную тушу псины.

– А теперь смотри, что дальше будет, – Винт продолжает смотреть в бинокль, – только не отворачивайся, а то зубы выбью.

Проходит несколько минут. Сергей видит, что выродки, осмелев, сначала один, затем другой, вылезают из нор и укryвищ. Со стороны кажется, что свалка оживает, шевелится, как гниущее мясо, пожираемое червями. Выродки, пригибаясь, прячась за картонными коробками с разбитой бытовой техникой и давно сгнившими отходами, шаг за шагом приближаются к убитой.

– Представляю, какая там вонь, – Винт пихает Сухова кулаком в бок, – не вздумай сейчас стрелять, самое интересное начинается. Кушать подано!

Сергея, от осознания того, что сейчас произойдет, начинает бить мелкая дрожь. Несколько секунд назад Сухов думал, что слезящиеся глаза женщины, точно вззирающие на него в немом укор, та кара, которая будет преследовать его до конца дней, но то, что последовало за этим...

Выродки, вооруженные кто ножом, топором, или просто острым обломком стекла, обмотанным изолентой, окружив труп, деловито, даже обыденно, начали его потрошить. В несколько взмахов расчленив тело женщины, выродки вопя, пихая друг друга и матерясь, похватав куски мяса, засовывают их себе в рот. Хари окрашиваются алым. Самый рослый выродок – бородатый мужик, в два удара топора вскрывает грудную клетку женщины. Затем он погружает руки в грудину и, пошарив там, как в пакете с едой, вытаскивает сердце и начинает его с упоением жрать, вгрызаясь зубами в кровоточащую плоть.

Сергей блюёт прямо в противогаз.

– Не смей сдирать его! – шипит на ухо пацану Винт. – А то дозу хапнешь. Потом почишься, это нормально, не каждый выдержит такое, а ты смог, прошёл проверку.

Сухов смотрит в глаза чистильщику. Кислая вонь от рвоты смешивается с затхлым воздухом из фильтра. Сергей, проведя языком по зубам, сплёвывает горчащую слюну в маску. Затем, не говоря ни слова, быстро встаёт и, не обращая внимания на окрик Винта, почти навскидку, палит из винтовки.

Гулкое эхо выстрела разносится по пустым коридорам многоэтажки, с потолка сыплется бетонное крошево. Выродок, выронив обкусанное сердце, глухо заорав, падает и начинает кататься по мусорной куче, зажав прострелянное навывлет колено.

– Теперь всё, – тихо говорит Сергей, – можно уходить.

Винт внимательно смотрит в глаза пацана, который за эти десять минут словно стал старше на десять лет.

– Уверен? Добивать точно не будешь?

Сухов мотает головой.

– Нет.

– А ты усвоил урок, – смеётся Винт.

– Учителя хорошие были.

Перекинув лямку «мосинки» на плечо, Сергей выходит в коридор. Вслед за ним идёт Винт. Бойцы осторожно спускаются по шатким бетонным лестницам, а им в спину бьёт надрывный нарастающий вопль выродка, которого, зажав в руках ножи и остро отточенные пруты арматуры, с остервенением, заживо разделяют соплеменники...

Страшная картинка мелькает как вспышка молнии. Сергей вспоминает минувшие события как нечто обыденное, ставшее рутиной в новом мире. Сухов прицеливается в собирателей.

Готовится стрелять. В спину так в спину. Совести здесь нет места. Мозг привычно подменяет изображение живого человека в прицеле на бездушный манекен, который, лишь по чьей-то злой воле, наделён способностью двигаться и говорить.

Сергей жмёт на спуск.

Бах!

Приклад толкает в плечо, а человек на улице падает на землю. Пальцы поднимают вверх и отводят назад рычаг затвора. Стреляная гильза падает на пол. Перезарядка. Затвор досылает в патронник второй патрон. Секундная задержка. Ствол винтовки смещается чуть левее, бахает второй выстрел. Собиратель, схватившись за шею, с булькающим звуком валится на бок.

Спохватившись, мародёры начинают палить во все стороны. Сергей лишь внутренне улыбается, радуясь тому, что с его способностью видеть в темноте он смог отойти как можно дальше, и собирателям не придёт в голову стрелять в дом, который в ночи так просто и не разглядишь.

«Если только шальная прилетит, – думает Сухов, стараясь не высовываться из-за оконного проёма, – нас так просто здесь не возьмёшь».

Третий мародёр, взыв, бросается наутёк. Ствол винтовки точно приклеивается к спине человека. Собиратель петляет, старается сбить невидимого стрелка с толку. Сергей ловит его на опережение.

Бах!

Мародёр падает и начинает ползти.

Сухов, глядя на раненого, не испытывает никаких чувств. Слово внутри что-то щёлкает, какой-то рубильник, отключающий эмоции и превращающий Сергея в холодную расчётливую машину, в мозгу которой сами собой появляются поправки на ветер и угол отклонения.

Бах!

Человек затихает.

«Не успел, – Сухов расстреливает людей как мишени в тире, – ну, что, Винт, теперь твой черёд».

Будто услышав слова снайпера, Винт бросает гранату, пару секунд спустя «буханка» взлетает на воздух.

«Прикрою их на всякий случай, – думает Сергей, – и свалю отсюда, а потом поисками Седого с ребятами займёмся».

Через несколько минут, когда смолкает пальба, а над улицей воцаряется тишина, во дворе коттеджа снова мелькает тень. Сергей, осмотревшись, ныряет в дыру в заборе и точно растворяется в темноте...

* * *

– Винт! – доносится из-за угла забора.

В ответ чистильщик, осматривающий трупы мародёров, разбросанные возле дымящегося остова «буханки», вскидывает автомат. Грохает автоматная очередь. Пули барабанят по профлисту.

– Ты чего? – кричит Хлыщ. – Это же Тень!

– Да? – Винт, опустив оружие, делает движение рукой, точно собираясь утереть пот со лба, но, видимо вспомнив, что он в противогазе, застывает в растерянности.

– Эй, там, на вахте, – подчёркнуто громко кричит Сергей, – не стреляйте! Я выхожу!

– Валяй! – устало бросает Винт. Закинув автомат за спину, чистильщик едва слышно добавляет: – Пипец, совсем нервы сдают.

Поймав на себе взгляд Хлыща, Винт харкает:

– А ты чего пялишься?! Откуда я знал, что это он?

– А кто собирателей с тыла завалил, а? – злится разведчик. – От испуга передохли?

– Иди ты! – взрывается Винт. – Без тебя геморра хватает.

– А я вовремя, – подойдя к чистильщикам, к разговору присоединяется Сухов, – хорошо додумался на короточки присесть, а только потом себя обозначить, аккурат над головой прошил, – Сергей смотрит на Винта, затем на тела. – Знато вы здесь настрогали.

– Ты из дома стрелял? – спрашивает Винт.

– Угу, – бурчит Сергей, рассматривая трупы собирателей.

– Выручил, реально выручил, – начинает Винт. – Прямо медаль тебе надо дать!

По голосу чистильщика Сухов понимает, что сейчас грянет буря.

– А какого хрена, ты так долго где-то шлялся?! – кричит Винт. – И где Седой с ребятами?!

Ты ходил на «пятак»?

– Ходил, – цедит Сергей, исподлобья глядя на командира, – только их там нет, поэтому я и рванул обратно, только с тыла обошёл, чтобы гнид нагнуть, которые вас здесь прижали!

Винт открывает рот, чтобы выматериться, но его опережает Хлыщ.

– Седой пропал?

– Да, – Сухов сжимает и разжимает приклад винтовки, – даже следов не осталось, точно в воздухе растворились.

– А гильзы стреляные, кровь, видел чего?

– Неа, – Сергей машет головой, – вообще ничего нет.

– Да ты гонишь! – Винт подходит к Сухову. – Скажи прямо, что не пошел, я тебя пойму, тем более ты нас спас, можно сказать из дерьма вытащил.

– Как было, так и рассказал, – цедит Сергей, – ты меня знаешь. Лучше пойдём и проверим!

– Пойдём!

Винт поднимает с земли потрепанный взрывом рюкзак собирателя.

– Всё, что уцелело, забираем с собой. Живо!

Бойцы, обшарив мародёров, забирают оружие, патроны, и изрядно прибавив в весе БК, идут вниз по улице, на «пятак»...

Глава 8

Выродок

Убежище. Бокс Колесникова. Эта же ночь

Батя, уперев огромный кулак в скулу, задумавшись, сидит за столом. Пальцы барабанят по бутылке, на дне которой плещется прозрачная как слеза жидкость. Под потолком бокса вьются клубы дыма от чинарика, лежащего на краю пепельницы.

Колесников смотрит на небольшую цветную фотографию, лежащую перед ним на столе. Такие обычно клеивают в паспорта. С картинки, точно глядя Бате прямо в глаза, взирает привлекательная темноволосая девушка лет двадцати – двадцати трёх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.